

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

Мем назвал её настоящим именем

Протоколы бытового колдовства

Книга 3

Иронический мистический детектив

18+

Виктор Алеветдинов

**Мем назвал её настоящим
именем. Книга 3. Протоколы
бытового колдовства**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Мем назвал её настоящим именем. Книга 3. Протоколы бытового колдовства / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Одно старое имя может уничтожить карьеру. Но что, если оно начнёт переписывать реальность? За семь минут до прямого эфира на экране появляется детская фотография Марины Соколовой — публичной Миры Светловой. Подпись называет её Марусей Кривцовой и обещает показать, какая она «на самом деле». Мем невозможно удалить: он возвращается на выключенных устройствах, меняет документы, пропуска и воспоминания. Чем больше людей верят в разоблачение, тем быстрее чужая версия становится её официальной биографией. ОПЧ берётся за дело. Анне и Льву Зориным предстоит выяснить, кто запустил опасный отклик: бывший партнёр, конкурентка, сотрудница или агентство, умеющее продавать чужой стыд. Но каждая попытка вернуть Марине имя начинает отнимать права и прошлое у другого человека. Чтобы остановить отклик, Марине придётся выбрать: сохранить созданный образ или отказаться от спасения, оплаченного чужой биографией.

Содержание

Глава 1. Имя на общем экране	5
Глава 2. Невозможный факт	10
Глава 3. Вторая фраза	15
Глава 4. Удалить нельзя сохранить	20
Глава 5. Мем как вещественное доказательство	24
Глава 6. Фотография меняется дважды	29
Глава 7. Архив Антона	34
Глава 8. Комментарий заранее	40
Глава 9. След сотрудницы	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов

Мем назвал её настоящим именем. Книга

3. Протоколы бытового колдовства

Глава 1. Имя на общем экране

За семь минут до эфира Марина Соколова увидела на социальной стене фотографию, которой там быть не могло. Девочка лет девяти сидела на краю сцены районного Дома культуры, шурилась от вспышки и прижимала к коленям картонную корону. Платье топорщилось на плечах, за спиной висела надпись «Весна нашего двора». Марина помнила тот вечер: второе место, слёзы в туалете и уверения, что корону дали за артистизм.

Под снимком крупными буквами стояло:

«МАРУСЯ КРИВЦОВА СНОВА ОБЪЯСНЯЕТ МОСКВЕ, КАК ЖИТЬ КРАСИВО».

Внизу уже рос счётчик реакций.

— Уберите, — сказала Марина.

Ольга Нестерова подняла голову от планшета и сразу открыла служебную панель. Мем исчез. На стену вернулась заставка «Города рядом». На фоне утреннего города стояла целая лавочка, которую ещё никто не успел испортить. Через две секунды фотография появилась в углу, где обычно выводили вопросы зрителей.

Она повторила удаление, но результат не изменился. Ведущий Илья перестал переключать карточки и посмотрел на экран.

— Это новая рубрика? «Чиновник до фотошопа»?

— Это новая вакансия ведущего, — ответила Ольга. — Продолжайте шутить.

Марина подошла к стене. Это был именно тот снимок. На обороте оригинала Антон когда-то написал: «Марусе, которая всё равно считает, что победила». В её нынешнем окружении связку имени и фамилии знали только они двое. Мать называла её Марусей, но фамилия Кривцова исчезла из документов до университета. Позже появилась Мира Светлова — имя, проверенное на фокус-группах и в поиске.

— Откуда фото?

Ольга ответила, что сама загружала утренний архив и такого снимка в пакете не было. Она открыла журнал доступа.

Из аппаратной показали два пальца. До эфира оставалось две минуты.

— Отменяем включение, — сказала Ольга. — Дадим техническую заставку.

— И подтвердим, что испугались детской короны?

— Здесь не корона главная.

— Для зрителя главная она. Остальное знают два человека.

На соседнем мониторе вместо названия проекта появилось: «МАРУСЯ РЯДОМ». Редактор у двери прочитал это вслух и тут же осёкся. Надпись исчезла, зато на планшете Ольги в строке гостя возникло: «Маруся Кривцова».

Ольга показала экран.

— Это внутренняя сетка студии.

Марина велела отключить сетку, но Ольга напонила про суфлёр и графику. Пришлось оставить студию подключённой.

Ольга посмотрела на Марину с таким укором, словно та лично подделала расписание эфира.

— Это может быть целевая атака.

— Тем более мы не будем помогать ей отменой программы.

— А если там есть другие материалы?

— Вы обязаны были выяснить это раньше.

Ольга побледнела и прижала планшет к груди. Марина заметила реакцию, но красный огонёк камеры уже загорелся. Первый, кто объяснял скандал, задавал его границы. Остальным оставалось возмущаться внутри готовой версии.

На суфлёре пошло приветствие. Первые строки были обычными. Затем текст сменился:

«Сегодня у нас в гостях руководитель проекта „Город рядом“ Маруся Кривцова. Почему вы скрывали настоящее имя?»

Илья увидел вопрос и на мгновение потерял привычное телевизионное выражение лица.

— Доброе утро, — начал он. — Сегодня мы поговорим о программе «Среда для всех» и о том, как меняются общественные пространства.

Марина улыбнулась камере.

— Доброе утро.

На социальной стене снова появилась девочка с картонной короной. Теперь снимок занимал половину экрана.

Через четыре минуты стало ясно, что мем не просто показывали. Его ждали.

Комментарии двигались быстро, и имя повторялось почти в каждом. «Маруся вышла в люди». «Кривцова урбанизирует двор». «Верните корону налогоплательщикам». Старое имя подхватили сразу. Для зрителей Мира Светлова уже выглядела вывеской, за которой пряталась Маруся.

Илья продолжал разговор о доступной городской среде. Суфлёр раз за разом предлагал ему спросить про детский конкурс, но он смотрел в карточки.

— В этом году жители смогут влиять на решения до начала работ, — сказала Марина. — Обсуждение должно начинаться раньше, чем появляется готовый результат.

Рядом с её лицом всплыл комментарий: «Маруся тоже повлияла на фамилию до начала работ».

Илья кашлянул.

— Зрители сегодня активны.

— Активность полезна, когда ей есть куда приложиться.

— Судя по комментариям, приложиться она решила к вашей биографии.

Марина сохранила улыбку.

— У публичного человека всегда несколько биографий. Официальная, пересказанная и придуманная во дворе. Иногда такая аудитория становится слишком большой.

— Значит, имя Маруся придумали зрители?

В наушнике редактор успел сказать: «Не спрашивай», но вопрос уже прозвучал.

— Я всегда была собой, — ответила Марина. — Этого достаточно.

Фотография за её спиной изменилась без вспышки и помех. Девочка теперь стояла на сцене, корона была у неё на голове, в руке появился диплом победительницы. Дата в нижнем углу сместилась на год вперёд.

Марина помнила, что в тот год не участвовала. После второго места мать запретила ей «позориться перед районом», а Антон носил картонную корону весь вечер и изображал директора Дома культуры.

— Марина Андреевна? — позвал Илья.

Комментарии ускорились.

«Всегда была собой, просто год рождения плавает».

«Маруся переписала детство в прямом эфире».

Марина потребовала убрать изображение, но Илья напомнил, что эфир продолжается.

Ольга появилась за камерой и показала жестом: завершать. Марина покачала головой.

— Программа «Среда для всех» не зависит от чужой картинки.

Суфлёр вывел новую строку:

«МАРУСЯ КРИВЦОВА ПРИЗНАЁТ, ЧТО СКРЫЛА ДЕТСТВО РАДИ КАРЬЕРЫ».

Марина сбилась впервые за много лет.

— Общественные пространства должны оставаться доступными для людей с разными потребностями.

— Включая потребность в другом имени? — прочитал Илья и сразу поморщился. — Простите. Это было на экране.

— Вы читаете всё, что появляется перед глазами?

— До сегодняшнего утра это считалось частью профессии.

Несколько сотрудников за камерами невольно улыбнулись. Шутка дала Марине секунду, но фотография снова изменилась. Под ней возникла подпись: «Маруся Кривцова стала Мирой Светловой после скандала на детском конкурсе».

— Прерываем эфир, — сказала Марина. — Под видом технического сбоя.

Илья заметил, что такие сбои обычно не объявляют заранее.

Марина посмотрела в камеру.

— Уважаемые зрители, мы вынуждены прерваться из-за неполадок в студии. Программа продолжится после проверки оборудования.

Красный огонёк погас. Сотрудники заговорили одновременно: режиссёр требовал не трогать пульт, редактор просил сохранить запись, инженер хотел отключить стену.

— Тишина, — сказала Марина.

Голоса стихли.

Марина отправила Ольгу в аппаратную, велела сохранить эфир и запретила Илье публиковать даже шутку про неполадки.

На столе лежал бумажный сценарий. В начале эфира там было напечатано: «Мира Светлова». Теперь поверх строки проступили серые буквы:

«Маруся Кривцова».

Марина провела пальцем по бумаге. Краска не смазалась.

— Этого не было в файле, — сказала Ольга.

— Это уже не файл.

Марина сложила сценарий пополам и пошла в аппаратную.

В аппаратной пахло кофе и нагретой техникой. Обычно здесь помещались шесть человек и уверенность, что любую ошибку исправит следующая кнопка. Теперь людей было девять, а уверенность закончилась.

Режиссёр вывел запись эфира на главный монитор. На стоп-кадре за плечом Марины девочка держала диплом победительницы. Подпись сообщала: «Маруся Кривцова, 1996 год».

— Покажите исходник фотографии, — потребовала Марина.

Режиссёр открыл монтажную базу. В папке утреннего выпуска лежал один файл с длинным служебным номером. На миниатюре была та же девочка с дипломом.

Ольга наклонилась к экрану.

— Я загружала другой кадр. Где вы сидите на краю сцены.

Марина спросила, откуда он взялся. Ольга оглянулась на сотрудников и предложила обсудить это отдельно.

— Вы загрузили личную фотографию в публичный пакет и теперь выбираете условия?

— Я загрузила согласованный архив. Система сама выбрала этот снимок, я его удалила.

Марина потребовала объяснить, почему ей не доложили. Ольга напомнила: снимок исчез до публикации, а происходящее уже не походило на обычную ошибку.

Сотрудники перестали изображать, что проблема относится только к чужой карьере. Марина велела режиссёру отключить и внешнюю, и внутреннюю сеть. Внешнюю уже отсоединили, а перед отключением внутренней Ольга потребовала выгрузить журналы сессии.

Марина кивнула. Полоса копирования дошла до семидесяти трёх процентов и остановилась.

Илья заглянул в дверь.

— Настоящий городской проект: готов на семьдесят три процента, а виноват уже на сто.

— Выйдите, — сказала Марина.

— Я только поддерживаю коллектив.

— За дверью.

Он ушёл. Копирование возобновилось. Режиссёр извлёк накопитель и отсоединил служебный планшет от сети. Затем выключил его и положил на стол.

Режиссёр предложил проверить планшет без питания. Чёрный экран оставался пустым несколько секунд. Потом на стекле проступило бледное изображение. Сначала сцена, затем картонная корона и лицо девочки. Под фотографией появилась подпись:

«Марусе, которая всё равно считает, что победила».

Марина отступила. Эту фразу Антон написал на обороте единственного бумажного снимка. Фотография хранилась у него. Они не разговаривали почти семь лет.

— Что это значит? — спросила Ольга.

Марина промолчала. Режиссёр перевернул планшет, проверил корпус и снова положил его экраном вверх. Снимок остался.

Режиссёр предположил, что это заставка.

— На выключенном устройстве? Удобно: батарея не расходуется, а неприятности продолжают работать, — сказала Ольга.

Одна редакторша нервно рассмеялась, потом сказала:

— Я помню эту фотографию. Она была в профиле Марины Андреевны.

Марина сказала, что никогда не публиковала снимок. Редакторша настаивала: фотография была в профиле, а Марину тогда ещё называли Марусей. Девушка выглядела совершенно уверенной.

После этого Марина попросила редакторшу выйти. За дверью сразу начался шёпот.

Ольга достала телефон и потребовала отдельный протокол с фиксацией времени и носителей. Марина сначала хотела вызвать службу безопасности, но та могла проверить лишь доступы, тогда как память сотрудницы уже изменилась.

— Вы предлагаете вызвать ОПЧ?

Марина знала об Отделе последствий чудес достаточно, чтобы не произносить его название без необходимости. ОПЧ приглашали, когда обычные специалисты задавали правильные вопросы и получали ответы, которые нельзя включить в стандартный отчёт. После их появления клиент терял право первым определять версию. Для города это считалось полезным. Для публичного человека — почти неприличным.

Ольга попросила зафиксировать время предложения отдельно от решения Марины.

— Вы заботитесь о формулировках.

— С утра одна уже причинила достаточно вреда.

На стене висел служебный календарь. В ячейке на 08:10 значилось: «Эфир. Мира Светлова». Изображение обновилось. Имя исчезло, а вместо него появилось: «Эфир. Марина Кривцова».

Марина смотрела на запись, пока Ольга не встала рядом.

— Теперь звоните, — сказала она.

На телефоне Марины под фотографией владельца уже стояло: «Марина Кривцова». Она ввела код, открыла защищённые контакты и нашла номер ОПЧ.

До этой минуты вызов внешних следователей казался ей потерей контроля. Теперь служебный календарь называл её именем, которого никогда не существовало, и контроль пришлось передать людям, умевшим оформлять невозможное не как рекламную кампанию.

Глава 2. Невозможный факт

Анна поняла, что приехала вовремя, когда охранник медиацентра отказался выпускать Марину Соколову из собственного фойе.

— Я здесь работаю, — сказала Марина.

— Вижу, — ответил охранник и снова приложил её пропуск к считывателю. — Но система видит иначе.

На экране турникета были открыты две карточки. В первой значилось: «Мира Светлова, руководитель медиапроекта „Город рядом“». Во второй — «Марина Кривцова, посетитель». На служебном фото была взрослая Марина. На второй карточке — школьница с картонной короной.

— Не трогайте турникет, — сказала Анна.

Охранник послушно убрал руку. В понедельник с пропусками спорили дольше, чем с коллегами, поэтому он даже обрадовался команде.

Лев встал рядом с Мариной, Тихон поставил на стойку серый чемодан, а Дарья уже фотографировала экран. Ольга ждала у дверей с папкой в руках.

— Вы прибыли через пятнадцать минут, — сказала Марина.

— Москва решила нас пропустить, — ответила Анна. — Это редкое содействие.

— До начала работы подпишите соглашение о конфиденциальности.

— После первичной фиксации.

— Здесь материалы городской администрации.

— А ещё пропуск, который показывает две биографии. Он сейчас важнее вашего соглашения.

Марина взглянула на сотрудников у кофейного автомата. Те делали вид, что не слушают, и третий раз выбирали один напиток.

Анна достала бумажный блокнот.

— Время фиксации — 09:03. Устройство отключали?

— Турникет работает локально, — ответил охранник. — После звонка из аппаратной внешнюю связь закрыли.

— Вторая карточка появилась до отключения?

— После.

Дарья проверила панель.

— База синхронизировалась в 08:41. Новых пакетов не принимала.

Марина повернулась к Анне.

— Значит, источник внутри здания. Ольга загрузила личный фотопакет и удаляла файлы.

— Я загрузила согласованный архив, — сказала Ольга.

— Объяснение не отменяет действия.

— И действие не становится виной только потому, что вам удобно закончить расследование до завтрака, — заметила Анна.

Марина посмотрела на неё без улыбки. Анна знала такой взгляд по прежней работе: человек ещё решал, полезна она или опасна, и временно сохранял вежливость.

Лев наклонился к экрану.

— Как вас называли в эфире?

Марина не ответила. Ольга произнесла:

— Маруся.

На служебном пропуске фотография дрогнула. Вместо взрослой женщины появилась школьница. Строка с должностью исчезла, турникет щёлкнул и заблокировал створки.

Охранник отступил.

— Я ничего не нажимал.

— Это хорошо, — сказал Тихон. — В нашем деле редкое достижение — не нажать вовремя.

Анна записала фразу Ольги и изменение. Дарья сверила запись. После слова возникла пауза, фотография сменилась, и турникет заблокировался.

— Имя больше не повторяем, — сказала Анна. — Пока не поймём, на что оно реагирует.

— А если оно уже разошлось по сети? — спросила Ольга.

— Сеть ускоряет. Свидетели закрепляют. Это разные задачи.

Марина потребовала пропустить её в аппаратную. Служебную дверь открывали по распоряжению начальника смены, а тот застрял на Садовом кольце и обвинил пробку в личной неприязни.

Анна показала удостоверение ОПЧ.

— Откройте дверь. С этого момента перемещения людей и носителей согласуются со мной. Удалять файлы и обсуждать имя в общих помещениях запрещено.

— Вы распоряжаетесь моим медиацентром? — уточнила Марина.

— Я сохраняю место происхождения.

— Здесь не было преступления.

— Тогда вам будет проще сотрудничать.

Турникет уже считал Марину посетителем. Она позвонила помощнику и дала ОПЧ доступ ко всем помещениям.

Анна открыла на отдельном ноутбуке форму регистрации невозможного факта. Указала именной отклик, вероятный репутационный компонент и цену, затрагивающую личность и служебный доступ.

Принтер выпустил первый лист. В строке «Пострадавшая» стояло: «Марина Кривцова».

Анна вложила лист в прозрачный пакет и написала время.

— Теперь у нас есть факт, — сказала она. — Бумага меняется без сетевой операции.

— И что это даёт?

— Право не верить удобной версии до проверки.

В аппаратной Дарья заняла место перед журналами доступа, а Тихон разложил на столе распечатки.

— Эта стопка до эфира, эта после. Кофе ставить на подоконник. Если прольёте на улику, в протоколе будет ваше имя полностью.

Режиссёр молча убрал чашку.

Внешние соединения были закрыты. Мониторы показывали обычную заставку, один экран занимал журнал рекламного кабинета. Дарья увеличила запись.

— Публикация пришла через внешний кабинет. Вход по агентскому токenu в 08:09. Дальше маршрут скрыт за служебным шлюзом.

— Название кабинета? — спросила Анна.

— RPL-MSK-17.

Марина стояла за её спиной.

— Это ничего не доказывает.

— Пока доказывает вход, — сказала Дарья. — Мотивы в журнал не помещаются.

Ольга передала накопитель с выгрузкой.

— Здесь локальные сессии студии. Копирование закончилось до отключения.

Анна попросила показать удалённые файлы. Ольга открыла журнал пакета и указала один снимок, снятый с публикации в 07:58.

— Почему удалили?

— Он был личным. Система взяла его из общей папки.

— Как он туда попал?

— Папку прислали из пресс-службы. Я загрузила её без просмотра каждого файла. Марина усмехнулась.

— Очень профессионально.

— Там было двести восемьдесят фотографий после вашей команды заменить архив за двадцать минут, — ответила Ольга.

— Я не просила загружать детство.

— Я тоже.

Анна остановила спор. Ольга не скрывала удаление. Действие было реальным, но подозрительно удобно объясняло всё дело.

Дарья сравнила копии.

— Удалённый файл существовал. После удаления появился другой с тем же номером, но иным содержимым. Входящий пакет его не содержит.

— Замена на сервере? — спросила Анна.

— Возможна. Инсценировка тоже. Ещё могла сработать подмена при сборке выпуска.

— А взлом?

— След обрывается на агентском токене. Нужен доступ к кабинету владельца.

Марина сказала, что у проекта нет внешнего агентства. Ольга подняла голову, но промолчала. Анна записала реакцию.

Тихон принёс распечатку сценария.

— Проведём простой опыт. На листе сейчас «Мира Светлова». Принтер отключён. Скажите любой нейтральный факт о Марине Андреевне.

Ольга сказала:

— Она руководит проектом четыре года.

Лист не изменился.

— Теперь повторите то, что говорили сотрудники после эфира.

Ольга медлила, но Марина велела продолжать.

— Все решили, что Маруся — её настоящее имя.

На бумаге буквы потемнели. Поверх них проступило: «Марина Кривцова».

Один из редакторов отшатнулся.

— Принтер же отключён.

— Поэтому мы и взяли бумагу, — сказала Анна.

Лев стоял у двери и слушал. Его лицо стало сосредоточенным, но он молчал. Вторая фраза могла дать направление, однако не доказательство.

Анна попросила Ольгу сказать иначе:

— Есть версия, что в детстве её называли Марусей.

Лист остался прежним.

Тихон накрыл распечатку пластиной.

— Значит, дело не в звуке. Работает утверждение, что имя настоящее и всем известное.

— Массовое подтверждение, — сказала Дарья. — Сеть разнесла формулу, а бумага реагирует на людей в комнате.

— Это снимает с меня подозрение? — спросила Ольга.

— Нет, — ответила Анна. — Возвращает вам статус свидетеля, которого рано назначать виновной.

Марина отвернулась к монитору.

Дарья показала время ручного усиления публикации. После первого всплеска кабинет дважды поднял охват. Это уже не походило на случайную утечку.

Тихон проверил нижний лист в стопке и подозревал Анну. Под служебным номером стояла серая метка: «Реплика. Кризисные коммуникации».

Марина сказала, что видит её впервые. Ольга посмотрела на неё так, что Анне стало ясно: договор существовал.

В переговорной стеклянные стены делали конфиденциальность видимой, но не обеспечивали её. Анна посадила Марину напротив, Лев остался у окна, а Ольга ждала за дверью.

— Начнём с людей, которым известно имя, — сказала Анна. — Не с тех, кого удобно обвинить, а с тех, чья память могла дать конкретную деталь.

— Антон Корин. Мой бывший партнёр. Он знал фамилию Кривцова и видел фотографию.

— Когда вы общались в последний раз?

— Семь лет назад.

— Причина разрыва?

— Личная.

— Для обычной беседы — да. Для именного отклика — нет.

Марина помолчала.

— Он считал, что я переписала прошлое ради карьеры. После расставания оставил у себя часть архива.

Анна записала имя.

— Ещё?

— Дарья Садовская. Руководит другим медиапроектом. Она знает историю старого эфира и давно ищет повод доказать, что моя биография придумана.

— Она могла получить фотографию?

— Через Антона — теоретически.

— Ольга?

Марина посмотрела на дверь.

— Имела доступ к архиву, загрузила пакет, удалила файл и скрыла это до начала эфира.

— Она сама сообщила об удалении.

— После того как скрывать стало бессмысленно.

Анна перевернула страницу.

— Теперь договор с «Репликой».

— Его нет.

— Тогда откуда метка и агентский токен?

— Мы заказывали консультацию. Без доступа к архиву.

— Покажите договор.

— Он содержит сведения, не относящиеся к делу.

— Это определим после ознакомления.

Марина улыбнулась рабочей улыбкой.

— Вы очень быстро решили, что управляете ситуацией.

— Я решила сохранить доказательства. Управление пока оспаривают бумага, турникет и ваша пресс-служба.

— Я должна выйти к журналистам через час.

— Не должны.

— Если я исчезну, версия закрепится.

— Если выступите без понимания формулы, дадите ей новых свидетелей.

Марина наклонилась вперёд.

— Моё настоящее имя не Маруся.

На протоколе фамилии поменялись местами. В заголовке появилось: «Объяснение Марины Кривцовой». В строке свидетеля Ольга Нестерова стала Ольгой Соколовой.

Лев подошёл к столу.

— Фраза была не о детском имени. Вы отвергли право этой версии быть настоящей, и документ начал раздавать фамилии другим.

— Документ не может раздавать фамилии, — сказала Марина.

— Тогда назовём это перераспределением. Смысл от приличного слова не улучшится.

Анна убрала протокол в пакет. Цена уже переходила от публичного имени к чужой биографии.

— У нас четыре рабочие линии. Антон как источник частного материала. Дарья как заинтересованная конкурентка. Ольга как технический канал. Агентство как посредник, который получил доступ и усилил публикацию.

— Вы забыли главную, — сказала Марина. — Ольга слила архив конкурентам.

— Это ваша версия. Она остаётся в работе, но не получает привилегий.

— На каком основании?

— Агентский токен активен, договор скрыт, а бумага реагирует на утверждения людей, а не на действия Ольги с файлами.

Марина посмотрела на дверь. За стеклом Ольга показывала Дарье журнал загрузки.

— Допустим, я дам вам договор. Что получу взамен?

— Расследование.

— Мне нужно восстановить имя и остановить скандал.

— Мы закрываем отклик и устанавливаем факты. Восстановление карьеры и пресс-релизы в эту работу не входят. Виновного выбирают доказательства, а не клиент.

— Вы умеете убеждать.

— Я стараюсь не продавать то, чего у нас нет.

Лев улыбнулся. Марина это заметила.

— Хорошо. Ограниченный доступ к договору. В моём присутствии.

— Копии сохраняются у нас, если документ относится к публикации.

— Тогда после подтверждения связи.

— Согласна.

Доверием это не было. Они лишь договорились пока не мешать друг другу.

Анна закрыла блокнот.

— Мы принимаем дело при одном условии: вашу репутацию не будут спасать ценой чужой вины. Если данные укажут на Ольгу, это войдёт в материалы. Если на вас или подрядчика — тоже.

Марина поднялась.

— Невинных здесь нет.

Она сказала это, глядя на дверь Ольги. Анна не стала спорить. В подобных делах фраза о всеобщей вине часто означала, что один человек уже выбрал, кому платить больше остальных.

На экране переговорной открылся студийный архив. Дарья прислала сообщение: найден новый снимок, отсутствовавший во входящем пакете и в первой выгрузке. На фотографии Марина сидела рядом с Антоном. Система показала оборот снимка в зеркальном отображении. На нём стояла дата, которой десять минут назад ещё не было.

Глава 3. Вторая фраза

В гримёрной горели лампы вокруг зеркала, хотя эфир закончился больше часа назад. Их свет подчёркивал след от наушника на виске Марины и делал комнату невыгодно честной для человека, привыкшего выбирать, под каким углом его увидят.

Анна положила на стол пакет с изменившимся протоколом.

— Мне нужен ответ на один вопрос, — сказала она Льву. — Почему сработало именно это имя?

— Если бы ответы выдавали вместе с вызовом, ОПЧ можно было бы сократить до курьера.

— Курьер запросил бы доплату за невозможный факт.

Марина не улыбнулась. Она сидела перед зеркалом, не снимая эфирный пиджак. Телефон лежал экраном вниз и каждые несколько секунд сдвигался от вибрации.

— Я уже объяснила, — сказала она. — Маруся — детское имя. Кривцова — прежняя фамилия. Ничего мистического в них нет.

— Фотографию видели два человека, — напомнила Анна. — Связка была закрытой.

— Закрытой для публики. Не для взломщика.

Анна посмотрела на Льва. Он понял просьбу: говорить спокойно и дождаться, пока Марина сама назовёт главное.

— Я буду в аппаратной, — сказала Анна. — Если станет хуже, выходи. Не геройствуй.

— Я семейный медиатор. Наше геройство обычно заканчивается графиком пользования дачей.

— Поэтому и предупреждаю.

Она вышла. Лев сел у стены, оставив между собой и Мариной несколько шагов. Близость усиливала вторые фразы, а сегодня чужих оговорок хватало и без неё.

— Мне не нужно ваше признание, — сказал он. — Я хочу понять, почему имя стало входом.

— Вы начинаете так, словно признание всё-таки желательно.

— Я не отказываюсь от полезного, если его приносят добровольно.

— А если нет?

— Тогда это допрос. Его проводит Анна.

Марина повернулась. Вблизи она выглядела уставшей, но её усталость не просила сочувствия. Она требовала не мешать.

— Вы всегда делите работу так удобно?

— Мы восемнадцать лет женаты. Удобство давно закончилось, осталась специализация. Телефон снова дрогнул. Марина прижала его ладонью.

— Я не скрывала имя. Просто перестала им пользоваться.

— Люди меняют имена. Обычно бумага от этого не переписывает соседей.

— Значит, дело в фотографии.

— Возможно. Но снимок менялся, когда в эфире говорили, какая вы настоящая.

Марина сняла с рейла бейдж «Мира Светлова» и положила рядом с телефоном.

— В кризисе главное не позволить чужой версии стать первой. Если молчишь, за тебя объяснят. Если оправдываешься, подтверждаешь обвинение. Остаётся говорить о себе самой.

— И какую версию вы говорите?

— Ту, которая соответствует фактам.

Сначала Лев услышал голос Марины, потом под ним возникло продолжение:

«Пока факты не мешают версии».

Он не изменился в лице. Вторая фраза не была признанием. Она показывала условие, спрятанное внутри обещания.

— Какие факты мешают? — спросил он.

— Вы сейчас слышали что-то?

— Я задал вопрос.

— После паузы.

— Мне сорок. Иногда я думаю перед тем, как говорить.

Она подошла ближе.

— Что именно вы слышите?

— Я слышу не мысли и не прошлое, а условие, с которым человек произносит важную для себя фразу.

— Удобный дар.

— Особенно на родительских собраниях.

— И что было сейчас?

Лев промолчал. Объявить услышанное уликой означало бы подменить расследование собственной уверенностью.

Марина вернулась к зеркалу.

— Я всегда была собой, — сказала она. — Детское имя ничего не меняет.

Вторая фраза пришла сразу:

«Пока вы видите ту версию, которую я продаю».

Лев сжал пальцы на краю стула. Слово «продаю» зацепилось сильнее остальных. Речь шла не только о паспорте или прозвище, а об образе, который должны были принять другие.

— Вы реагируете слишком заметно для человека, который не ведёт допрос, — сказала Марина.

— Поэтому Анна и ведёт допросы. У неё лицо экономнее.

— Что вы слышали?

— Направление проверки.

— Это новая форма отказа?

— Старая. Я не превращаю вторую фразу в доказательство.

— Но мнение уже составили.

— Мнение составляют все. Работа начинается там, где его проверяют.

Марина перевернула бейдж надписью вниз.

— Псевдоним появился после одного эфира. Мира Светлова звучала лучше, чем Марина Соколова. Короче и легче помещалась в титр.

— Псевдоним должен был защитить вас?

Она резко подняла голову.

— Кто сказал вам про защиту?

Пустая студия после эфира казалась меньше. Камеры стояли на местах, а социальная стена была отключена и показывала чёрный экран. На столе ведущего осталась кружка «Я задаю вопросы». Надпись на кружке выглядела скромнее поведения владельца.

Марина согласилась продолжить разговор без зеркала и без записи. Лев не обещал второго. Он сказал, что передаст Анне всё, что относится к делу, и не вынесет частное наружу, если оно не связано с чужой ценой.

— Очень обнадеживает, — сказала Марина.

— Зато честно.

— Честность часто служит оправданием плохого сервиса.

— В ОПЧ сервис заканчивается там, где начинается ответственность.

Она остановилась возле кресла, в котором сидела во время эфира.

— Девять лет назад я вела обсуждение реконструкции старого квартала. Подрядчик уверял, что жителей предупредили, и я повторила это в эфире.

— Их не предупредили?

— Уведомления ушли по неверной базе. На следующий день выселение начали раньше срока. Возле дома собрались люди, приехали журналисты. В записи осталось, что я назвала протест недопониманием.

Пока Марина говорила о документах, второй фразы не было. Она рассказывала факты, не предлагая правило.

— Вы знали о неверной базе?

— Узнала вечером.

— И что сделали?

— Подготовила исправление. Утром его выпустили от имени редакции.

— Не от вашего?

— Тогда у меня не было права говорить отдельно.

— Или вам так сказали?

— Это одно и то же, когда зависишь от контракта.

— Кто понёс последствия?

— Редактор выпуска ушёл. Подрядчик выплатил штраф. Переселение остановили на два дня.

— Я спросил не о должностях.

Марина посмотрела на него.

— Вы обещали не требовать исповеди.

— Мне нужны значимые свидетели. Человек, который потерял работу после вашего эфира, мог удержать версию о настоящей вас.

— А если я не назову?

— Анна найдёт через документы. Я оставляю вам возможность решить самой.

— Очень мягкое принуждение.

— Моя профессиональная гордость польщена.

Марина подошла к социальной стене. В чёрном стекле отражались они оба и стол с её бейджем. Рядом лежал временный пропуск «Марина Соколова».

— Имя Мира появилось сразу после того эфира? — спросил Лев.

— Через месяц. Сначала как подпись в новой программе. Потом закрепилось.

В отражении между карточками проступил третий бейдж: «Маруся Кривцова». На столе его не было.

— Больше ничего не говорите о настоящем имени, — сказал Лев.

— Я назвала даты.

— До этого вы сказали, что образ закрепился. Экран подтвердил три версии.

Марина подошла ближе. Отражённые карточки сменили порядок, затем «Мира» вышла вперёд и закрыла две другие.

— Что он выбирает?

— Пока не знаю. Возможно, версию, которую свидетели считают окончательной.

— Вы опять говорите «возможно».

— Это дешевле, чем уверенно ошибиться.

Они замолчали. Через несколько секунд третий бейдж побледнел, потом исчезли остальные надписи.

— В молчании эффект прекращается, — сказал Лев. — Бытовое обращение слабее заявления о подлинности.

— Значит, я должна перестать говорить?

— Нет. Вам придётся перестать выдавать готовый ответ раньше, чем мы поймём вопрос.

Марина нахмурилась.

— Вы решили, что я что-то продавала.

— Я решил проверить, как возник псевдоним.

— Для человека по другую сторону стола разница невелика.

Лев услышал собственную оговорку в обещании оставить частное частным. Условие было честным, но право решать о связи с вредом он уже присвоил себе.

— Назовите людей, которые были рядом после старого эфира, — попросил он. — Тех, чьё мнение для вас важно.

— Антон. Он работал оператором. Считал, что я позволила редакции сделать виноватым младшего сотрудника.

— Так и было?

— Я не обсуждаю это без гарантий.

— Я не вынесу наружу подробности, которые не связаны с чужим ущербом.

— А если связь определите вы?

— Мы с Анной. По документам.

Марина впервые кивнула без спора.

— Антон видел запись из аппаратной. Дарья Садовская знала о неверной базе раньше исправления. Потом она использовала эту историю, когда претендовала на мой проект.

— Ещё?

— Остальные не имеют значения.

— Это вы решаете или они?

Она поправила бейдж, хотя тот и без того лежал аккуратно.

— Старый эфир закрыт. Без документов я к нему не вернусь.

Лев принял границу. Давить дальше означало получить больше слов и меньше правды.

За дверью послышался голос Ольги:

— Марина Андреевна сама просила детскую фотографию. У меня есть сообщение.

Марина застыла. На чёрном экране за её плечом снова появился бейдж «Маруся Кривцова».

В коридоре Анна ждала у окна с бумажным блокнотом. Ольга стояла у стены и сжимала телефон. Обе смотрели на Льва так, словно он должен был одним предложением определить виновную сторону.

— Что услышал? — спросила Анна.

— Сначала сообщение Ольги.

— Марина попросила подобрать личный кадр для публикации, — сказала Ольга. — Вчера вечером. Формулировка: «Нужна человеческая фотография, чтобы снять официальный налёт».

Она показала переписку. Просьба была, но без упоминания детства. Ниже Ольга предлагала кадр с городского субботника.

— Почему в пакет попал снимок с короной? — спросила Анна.

— Его выбрал поиск по слову «человеческая». Я увидела перед загрузкой и удалила. Думала, файл подтянулся из старого архива.

— Откуда система могла получить архив?

— Не знаю. У меня к нему нет доступа.

— А у агентства?

Ольга посмотрела на закрытую дверь студии.

— У «Реплики» был доступ к медиатеке для тестовой кампании. Марина запретила говорить о ней без разрешения.

Анна записала и повернулась ко Льву.

Он начал осторожно. Имя было не единственным якорем. Отклик цеплялся за образ, который публика должна признать настоящим. Формула усиливалась при заявлениях о подлинности и разоблачении. Значимые свидетели могли придавать вариантам содержание, но услышанное не доказывало ни заказа, ни вины Марины.

Пока он говорил, коридор наполнялся вторыми фразами. Ольга обещала передать телефон, если её не сделают крайней. Анна сказала, что проверит агентство, прежде чем Марина закроет доступ. Из аппаратной сообщили, что ничего не трогали, пока ответственность оставалась общей. Оговорки накладывались друг на друга, и Лев перестал понимать, какая принадлежит кому.

— Лев, — позвала Анна. — Смотри на меня.

Он поднял голову. Свет из окна расплылся по краям, к горлу подступила тошнота.

— Марина может быть источником, — сказал он. — Она сформировала продаваемую версию себя. Возможно, отклик возник из неё.

— Это вывод или вторая фраза?

Ему хотелось назвать причину быстрее, чтобы защитить Марину от толпы и Ольгу от обвинения. Хорошее намерение уже выбирало за обеих.

— Направление проверки, — ответил он. — Только направление. Фактов для вывода нет. Анна закрыла блокнот.

— Хорошо. Ольгу опрошу я.

— Я могу продолжить.

— Ты побелел.

— Здесь освещение.

— Освещение не просит у стены опоры.

Ольга шагнула к нему, но Анна остановила её.

— Принесите воды. И не обсуждайте дело по дороге.

Лев отступил от студии. На расстоянии голоса стали слабее, хотя вторые фразы ещё шли следом. Он хотел закончить опрос, отвести Ольгу от подозрения и объяснить Марине, что её не заставят отдавать публике всю жизнь. Всё это выглядело заботой, пока решения оставались у него.

— Я выйду на улицу на десять минут, — сказал он. — Потом вернусь.

Анна внимательно посмотрела на него.

— Не потом. Сейчас заканчиваешь работу с якорем.

— Я в порядке. Сам остановлюсь, если станет хуже.

Вторая фраза возникла внутри его собственного обещания:

«Пока Анна не узнает, насколько мне плохо».

Лев замолчал. Анна ждала, и впервые за утро он не стал подбирать версию, которая успокоит её быстрее.

— Мне уже хуже, — сказал он. — Я не буду опрашивать Ольгу.

Анна открыла дверь на лестницу и вывела его из коридора. За спиной продолжали звучать чужие обещания. Теперь Лев хотя бы знал, какое из них принадлежит ему и почему больше не имеет права его подтверждать.

Глава 4. Удалить нельзя сохранить

К половине первого архивный кабинет пресс-службы напоминал помещение, из которого пытались вынести прошлое до прихода следователей. На полу стояли три бумажные коробки. Ольга держала четвёртую и ногой закрывала дверцу нижнего шкафа.

Анна остановилась на пороге.

— Поставьте коробку.

— Я переносу документы из открытого офиса. Там сотрудники и посетители.

— Почему без согласования?

— Потому что в этих папках персональные данные.

— А в коробке?

— Тоже.

— Значит, ей особенно полезно остаться на месте.

Ольга поставила коробку на стол. Крышка соскользнула, открыв папки с подписями по годам. Верхняя была помечена как личный фотопакет Марины Светловой.

Дарья Власова сразу сняла общий вид кабинета. Тихон занёс время в журнал изъятия и придвинул к двери стул, чтобы она не захлопнулась.

— Я ничего не выношу из здания, — сказала Ольга.

— Вы перемещаете носители после начала проверки, — ответила Анна. — Для доказательства расстояние до лифта значения не имеет.

— А право Марины на частную жизнь имеет?

— Имеет. Поэтому папку откроем при вас, с описью.

Ольга прижала ладонь к обложке.

— Там фотографии, не связанные с эфиром.

— Этого мы пока не знаем.

— Я знаю.

— Вы уже решили за расследование, что связано, а что нет. Утро показывает, что такая услуга сегодня особенно востребована.

Ольга отодвинула папку, но села рядом. Она злилась не так, как человек, пойманный на уничтожении улики. Скорее, как сотрудник, которого вынудили объяснять чужую систему и заранее назначили виноватым за хорошее знание инструкции.

Анна надела перчатки и открыла личный фотопакет. В прозрачных файлах лежали распечатки с мероприятий. Последний файл оказался пустым.

— Здесь что находилось?

— Контрольная распечатка. Месяц назад Марина Андреевна велела её уничтожить.

Ольга описала домашний кадр: Марина у кухонного окна с чашкой.

На прозрачном пластике проступила миниатюра. Кухню сменили раскрытый чемодан и Марина, спящая в кресле.

Автономная камера показывала пустой файл.

— Обсуждение поддерживает превью, но камера его не сохраняет, — сказала Дарья.

После точной даты удаления миниатюра исчезла. На вопрос о причине пластик не отреагировал: Ольга назвала несогласованный личный материал.

Когда прозвучал запрос «настоящая Марина без официального образа», кухня вернулась. Чашка стала треснувшей, хотя в исходнике была целой.

— Удалённое место заполняется подходящей версией, — сказала Дарья.

— Только той, которую присутствующие готовы принять, — уточнила Анна.

Ольга объяснила, что после первого мема сотрудники уже обсуждали одиночество Марины и вещи бывшего партнёра. Никто этого не видел, но пустой файл начинал подтверждать слухи.

Анна закрыла папку, поставила на обложке метку изъятия и попросила передать служебный ноутбук.

— Он нужен для работы, — сказала Ольга.

— Именно поэтому журнал следует сохранить до следующей синхронизации.

Ольга положила ноутбук на стол. Она опасалась, что блокировка доступа сама станет доказательством против неё.

Анна разрешила ей присутствовать при копировании и сохранила пропуск для перемещений только в сопровождении.

— Очень добровольное объяснение, — сказала Ольга.

Анна подписала акт. Ей хотелось быстро установить, кто вошёл в систему, удалил файл и добавил личный кадр. Ольга подходила к этой схеме подозрительно хорошо, а удобные схемы обычно экономили время за счёт человека.

— Вы сказали, что Марина просила человеческую фотографию, — напомнила Анна. — Она велела сохранить именно детский кадр?

Ольга помедлила.

— Спросите, кто велел оставить этот кадр.

В серверной было холоднее, чем требовалось оборудованию, и совсем не по вкусу Тихону. Он застегнул куртку и поставил рядом с системным блоком складной столик.

— В правилах охраны труда должно быть написано, что цифровое расследование не предполагает сезонного закаливания.

— Жалобу оформите после копирования, — сказала Анна.

— Я уже оформляю её внутри себя. Там очередь небольшая.

Дарья подключила независимый накопитель. На экране открылись два журнала: локальный и резервный. В строке загрузки стояла учётная запись Ольги. Время совпадало с появлением фотопакета в студии.

— 08:07 — вход, — сказала Дарья. — 08:08 — получение пакета. 08:09 — публикация через внешний маршрут.

— То есть загружала Ольга, — заметил Тихон.

— Её сессия получила файл. Это пока всё.

Ольга стояла у двери под наблюдением сотрудника ОПЧ. Она не подходила к терминалу, но видела экран.

— Я открыла пакет и удалила личный кадр, — сказала она. — После этого система показала детскую фотографию.

— В журнале удаление есть, — ответила Дарья. — Следующая операция проведена через тот же токен, но маршрут уходит во внешний кабинет.

— «Реплика»?

— Да.

Дарья создала локальную копию исходного превью и отключила её от рабочего каталога. На экране появилась Марина на городском субботнике с лопатой. За её спиной рабочий держал пакет с бахилами.

Контрольную сумму записали на бумаге. Тихон добавил нейтральную подпись: «Марина Соколова на субботнике». Кадр не изменился.

После слов «Настоящая Марина Соколова» лопата исчезла. Пальто стало дешёвой курткой, за спиной возник мусорный контейнер, выражение лица сделалось растерянным.

Контрольная сумма осталась прежней. В другом просмотрщике Марина по-прежнему держала лопату.

Анна убрала слово «настоящая», и основное превью вернулось к исходному виду.

— Файл сохраняет техническую идентичность, — сказала Дарья. — Формула меняет воспринимаемую версию.

— Повторяем без оценки: пять копий на разных носителях и отдельная бумажная печать, — решила Анна.

Тихон распечатал изображение. На листе Марина снова держала лопату. Ольга подошла на разрешённое расстояние.

— Этот кадр я и предлагала оставить. Он был согласован.

— А детский?

— Пришёл после автоматического выбора. Я удаляла его дважды.

— Вторая операция проведена вашей записью.

— Потому что моя сессия оставалась открытой.

— Пароль знали другие?

— Нет.

Анна подняла глаза.

— Значит, либо вы работали сами, либо использовали ваш активный токен.

— Я понимаю, как это звучит.

— Тогда помогите установить, что происходило.

Ольга глубоко вдохнула.

— Вчера агентство прислало тестовую подборку. Там была детская фотография. Я написала куратору, что кадр не пройдёт согласование. Он ответил: «Оставьте в резерве, личное работает лучше официального». Я удалила файл из видимой папки, но не закрыла проект.

— Имя куратора?

— Герман Лисицын.

Дарья нашла метку исходного кабинета. Доступ к подробному журналу требовал подтверждения владельца.

— Запрашиваю сохранение проекта и выгрузку операций, — сказала она.

— Марину уведомим после получения копии, — решила Анна.

Ольга резко повернулась.

— Вы скрываете вывод от клиента?

— Мы сохраняем доказательство до того, как клиент успеет объяснить подрядчику, какую версию считает удобной.

— А от меня почему скрывали, что видите внешний маршрут?

— Потому что ваш токен всё ещё находится в цепочке.

— Значит, шанс мне дали, но стул оставили возле выхода.

— В расследовании мебель редко означает доверие.

Ответ «Реплики» пришёл через три минуты — быстро для юридического отдела и аккуратно до безличия:

«Проект RPL-MSK-17 удалён по просьбе клиента. Архивные материалы не сохранялись. Агентство готово содействовать в рамках действующего законодательства».

— У них даже уничтожение данных звучит как услуга повышенной вежливости, — сказал Тихон.

Технический заголовок показывал время просьбы: сегодня, 11:42. В этот момент Марина уже отрицала перед Львом доступ агентства к архиву.

Анна сохранила ответ на независимый носитель и запросила резервную копию у платформы. Марине промежуточный вывод пока не сообщали.

— Она решит, что проект уничтожила я, — сказала Ольга.

— Если поспешим, эту версию примут не только она и её пресс-служба, — ответила Анна.

К половине второго сотрудников открытого офиса развели по переговорным. Руководитель пресс-службы успел раздать анкеты и попросить коллектив придерживаться единой позиции.

Анна забрала стопку.

— Общего инструктажа не будет. Каждый запишет то, что помнит сам.

Первый редактор связывал смену имени со скандалом с застройщиком, второй — с неудачным браком, третья женщина — с дракой за картонную корону.

— Вы видели запись? — спросила Анна.

— Нет, но все знают, какая она на самом деле.

На служебной карточке Марины появилась строка о выговоре за агрессивное поведение. Датой значился 1996 год, выдавшей организацией — городская администрация.

Сотрудница несколько секунд назад не знала о выговоре, а теперь пыталась объяснить, почему одиннадцатилетнюю школьницу наказала администрация.

— Повторите без слов «все знают» и «на самом деле».

— Есть слух, что она дралась на конкурсе.

Строка побледнела, но не исчезла.

В соседнем кабинете восемь человек успели согласовать возраст, до которого Марина будто бы носила фамилию Кривцова. Никто не помнил, кто назвал число первым.

Анна остановила опрос и запретила коллективные обсуждения. Руководитель возразил, что людям нужна позиция учреждения.

— Сначала им нужно сохранить собственные слова, — сказала Анна.

Ольга дождалась, когда коридор опустеет, и подошла к Анне. Её пропуск работал только в сопровождении.

— Вы всё равно считаете меня главным риском.

— Вы скрыли доступ агентства, дважды удаляли файлы и не сообщили о распоряжении Германа.

— Я пыталась убрать личный кадр. Марина запретила обсуждать тестовую кампанию.

— Вы выбрали приказ вместо фиксации.

— Вы бы на моём месте сразу пришли в ОПЧ?

— На вашем месте я не работала.

— Удобно. Тогда ошибается только тот, чьи руки были на клавиатуре.

Анна увидела в молчании Ольги не готовую вину, а попытку сохранить работу после собственного нарушения. Это не оправдывало удаление, но меняло предел обвинения.

— Дайте письменное объяснение по двум удалениям, сообщению Германа и распоряжению Марины. Без выводов о виновных.

— И что это изменит?

— Ваше действие останется вашим. Чужую вину к нему не добавят без проверки.

Дарья принесла новые анкеты для изолированных опросов. Анна взяла верхнюю и уже собиралась вписать время, когда увидела напечатанный вопрос. Форму создавали утром, до получения журналов и до признания Ольги. Однако первая строка выглядела так, словно ответ был утверждён заранее:

«Когда Ольга Нестерова слила настоящее имя Марины Светловой?»

Анна перечеркнула вопрос и написала сверху: «Кто сформулировал эту версию первым?» Затем велела изъять весь тираж. В офисе ещё спорили о правде, но документы уже выбрали виновную и начали подгонять память под её имя.

Глава 5. Мем как вещественное доказательство

К половине четвёртого малый зал ОПЧ уже не напоминал бывший зал регистрации браков. Здесь бумажные копии менялись быстрее, чем их успевали оформлять. На длинном столе лежали четыре копии одного мема. На одной Марина сидела с картонной короной, на другой держала диплом, третья объясняла смену имени школьным скандалом. Четвёртая оставалась исходной, но Анна не считала её надёжной.

Юрист городского департамента стоял у двери и требовал определить предмет изъятия.

— Нам нужна точная формулировка, — сказал он. — Вы изъяли изображение, публикацию, шаблон или шутку?

— Шутка была бы удобнее, — ответила Анна. — Её можно признать неудачной и отпустить домой.

— В акте нельзя написать «мем».

— Почему?

— Это бытовое обозначение.

Тихон Мельник поднял голову от описи.

— Тогда предлагаю «графический объект массового остроумия с признаками причинения вреда».

Юрист задумался, и Анна пресекла риск официального рождения этой формулировки.

— Пишем: цифровой шаблон, публикация и зафиксированные версии изображения. Отдельно — рекламный кабинет и группы свидетелей.

— А если версии продолжают меняться?

— Каждая получит время наблюдения и номер. Несколько биографий уже сделали из одного человека, документы лишь догоняют ситуацию.

Роман Ильич Котов вошёл с папкой согласований. Руководитель ОПЧ умел посмотреть на бумагу так, что она сама вспоминала номер исходящего.

— Почему электронный реестр закрыт? — спросил он.

Дарья повернула ноутбук. В строке владельца по очереди появлялись три имени Марины. При каждом открытии карточка менялась.

— Реестр нестабилен, — сказала Дарья. — Копия на изолированном носителе держится дольше, пока её не обсуждают.

— Бумага?

Тихон показал четыре пакета.

— Держится лучше. Но читатели портят её быстрее принтера.

Котов снял очки.

— Объясните без стремления украсить мой день.

Анна показала копии. Каждую видела другая группа, а исходную распечатали в пустом кабинете и сразу запечатали.

— Чем больше людей называют вариант разоблачением, тем устойчивее он становится, — сказала Анна. — Простое употребление имени действует слабее. Фраза о настоящей Марине меняет подпись или сам кадр.

— Якорь?

— Не один файл. Шаблон, рекламный кабинет и повторяемая рамка: публике обещают показать, какая она на самом деле.

Котов пролистал акт.

— Основания для ограничения доступа?

— Документы уже назначают Ольгу виновной до проверки. Агентский проект удалён после начала нашего расследования. Публичные комментарии меняют бумажные копии.

— Это основания для сохранения материалов. Не для запрета всем разговаривать.
— Я запретила общий инструктаж свидетелей.
— Правильно. Но сотрудников нельзя удерживать в здании без их согласия.
— Если они разойдутся, слух получит ещё сотню версий.
— Вы расследуете последствия чудес, а не вводите комендантский час на Новом Арбате.
Лев сидел у дальней стены с чашкой чая. После перегрузки он вернулся в ОПЧ, но к столу с копиями не подходил.

— Роман Ильич прав, — сказал он. — Изоляция не отменяет право людей выйти.

— А право не стать массовым свидетелем?

— Его обеспечивают объяснением риска, а не турникетом.

Котов кивнул.

— Дело передаю вам. Ограничения по носителям обоснуйте письменно, требования к людям оставьте в пределах полномочий. И не превращайте архив в кружок коллективного чтения.

Тихон поднял проект инструкции.

— Копии читают по одному, обсуждение запрещено, интернет после полуночи не кормим.

— Уберите интернет из инструкции, — сказал Котов.

— После полуночи?

— Полностью.

Анна установила порядок: исходный вид, наблюдаемая версия и состав группы фиксировались отдельно. В электронный реестр вносили только номера пакетов.

Дарья запустила сканирование исходной копии. Аппарат протянул лист, загудел и выдал новый. Под фотографией стояла подпись, которой не было ни на одном образце:

«Маруся Кривцова до того, как научилась продавать себя Москве».

— Кто это произнёс? — спросила Анна.

Ответа не было. Дарья проверила журнал: сканер оставался вне сети.

Анна вложила лист в пакет.

— Четвёртая версия. Наблюдаемая группа — мы.

— Формулировка не наша, — сказал Тихон.

— Значит, найдём её источник.

В архивной комнате любое дело быстро приобретало прошлое. Анна прикрепила к доске три карточки: Антон Корин, Дарья Садовская, Ольга Нестерова. Ниже оставила место для агентства «Реплика».

Телефон Марины лежал экраном вверх. Клиентка требовала отчёт и напоминала, что доступ к фотопаketу был только у Ольги.

— Очень удобно, — сказала Анна. — Версия уже поставляется вместе с напоминаниями.

Дарья открыла журналы.

— У Ольги был доступ и активная сессия. Она удаляла кадр. Но второй вход прошёл через агентский маршрут.

— Антон знал имя и хранил фотографии, — продолжил Тихон. — Дарья Садовская получает выгоду от скандала и знала историю старого эфира.

Лев закрыл дверь.

— Обсуждаем по одной версии.

— Они связаны, — сказала Анна.

— Связаны материалы. Наши ожидания связывать не надо.

Он подошёл к доске и перевернул карточки Антона и Дарьи лицом к стене.

— Начинаем с Ольги. Только факты за и против.

Анна не любила разумные поправки, сделанные вслух.

— За: её учётная запись получила пакет. Она дважды удаляла личный кадр и скрыла распоряжение Германа.

— Против, — сказала Дарья. — Первое удаление предшествует публикации. После второго операция ушла через внешний кабинет. Ольга сама сохранила локальный журнал.

Тихон положил рядом копию мема. На снимке Марина держала диплом. Когда Анна произнесла «скрыла распоряжение», на полях проступила дата сообщения Ольги Герману.

— Видите? — сказала она. — Копия подчёркивает её действие.

— Потому что мы обсуждаем Ольгу, — возразил Лев. — Это не подтверждение.

Он перевернул карточку Антона.

— Теперь бывший партнёр.

Анна назвала закрытое имя, уникальную фотографию и тяжёлый разрыв. Тихон добавил, что Антон получил целевой рекламный запрос. Дарья напомнила: платежей от агентства пока не найдено, доступа к кабинету у него нет.

Фотография изменилась: за спиной девочки появилась мужская рука с картонной короной, о которой рассказывала Марина.

— Этого кадра не существовало, — сказала Анна.

— Или мы о нём не знаем, — поправил Лев. — Мем берёт знакомый элемент из памяти значимого свидетеля и вставляет его в версию.

— Антона здесь нет.

— Марина рассказала деталь мне. Я рассказал тебе.

Анна посмотрела на копию. Отклик не показывал виновного. Он подбирал материал под направление разговора.

Дарья Садовская заранее подготовила комментарий и выигрывала от падения Марины. Однако исходного шаблона у неё не нашли, а запись закрытого питча существовала до мема.

На копии вместо короны появился микрофон, а подпись обвинила Марину в краже формата.

— Этого нет в проверенных записях, — сказала Дарья.

— Зато удобно для людей, которые считают любую карьеру результатом кражи, — заметил Тихон.

Анна убрала копию в непрозрачный пакет.

— Значит, отклик отражает ожидание проверяющих.

— И будет охотно помогать нам ошибаться, — сказал Лев.

— Ты предлагаешь не смотреть на проявления?

— Смотреть. Не использовать их как фильтр вины.

Анна сняла все карточки и разложила на столе отдельно.

— Три рациональные проверки. Антон — происхождение фото и целевой запрос. Дарья — доступ к старой записи и выгода. Ольга — маршрут загрузки и удаление. Агентство пока технический посредник.

Дарья Власова подняла бровь.

— Посредник, удаливший проект после нашего запроса?

— Пока да. Роль изменим, когда получим подтверждение.

Лев кивнул: бумаге не позволили назначить виновного.

Из шкафа с изолированными устройствами донёсся звонок. Старый служебный телефон светился без батареи.

На экране было написано: «Антон Корин».

— В нём нет SIM-карты, — сказала Дарья.

— Зато у дела есть чувство времени, — ответил Тихон.

Анна включила громкую связь.

Антон говорил с короткими паузами, словно проверял, не принадлежит ли слово уже чужой версии.

— Я не звонил в ваш отдел, — сказал он. — Номер сам появился на экране.

— Где вы сейчас? — спросила Анна.

— Дома.

— Адрес назовёте?

— При личной встрече.

— Вы получили рекламное сообщение о Марине Соколовой?

— Сегодня утром. Вопрос был: «Та ли это Маруся, которую вы знали?»

Лев сел подальше, и Анна не попросила его слушать вторую фразу.

— Откуда система знает о вашей связи?

— Это я и хотел спросить. По ссылке не переходил, снимок экрана покажу лично.

Анна сдержала раздражение.

— Нам нужно сохранить технический след до удаления.

— Сохраните мой ответ: фотографии я не отправлял, имя никому не подтверждал.

— У вас есть оригинал снимка с картонной короной?

Пауза стала длиннее.

— Есть.

— Марина утверждает, что фотография хранится у вас.

— В данном случае она говорит правду.

На изолированной копии, лежавшей в пакете у края стола, начал проступать фон. Сначала кресло, потом часть стены с книжной полкой. Девочка на снимке оказалась уже не на сцене, а в комнате. Рядом появилась взрослая рука, державшая бумажную чашку.

— Что сейчас находится справа от вас? — спросила Анна.

— Книжный шкаф и старое кресло. Почему?

— Какого цвета стена?

— Светло-зелёная.

Фон на копии стал светло-зелёным.

Дарья молча включила запись наблюдения. Контрольная сумма файла оставалась прежней.

— Вы жили вместе в этой квартире?

— Пять лет. Она выбирала обои и потом восемь лет отрицала, что выбрала зелёные.

— Вы распространяли детское имя после расставания?

— Нет.

— Хотели отомстить?

— Хотел вернуть коробку с вещами. Это не одно и то же, хотя содержимое коробки указывало на обратное.

— Почему не вернули?

— В ней фотографии и записи, которые она просила уничтожить. Я не уничтожил.

Версия мести получила реальную, но иную тайну.

— Зачем сохранили?

— Там есть люди, которым она задолжала правду. И часть записей принадлежит мне.

— О чём записи?

— При встрече.

— Вы защищаете её или себя?

— Частную историю. В том числе от вас.

Марина прислала: «Не договаривайтесь с ним без меня». Анна перевернула телефон.

— Встретимся вечером.

— Без Марины.

— Первичный осмотр проведём без неё, если вы покажете материалы и позволите сделать опись.

— Фотографии не заберёте.

— Только зафиксируем связанные с мемом.

— Адрес пришлю на этот номер.

Связь прервалась. На копии остались светло-зелёная стена и край кресла.

— Значимый свидетель задаёт содержание через знакомый шаблон, — сказала Дарья. — Даже если не видит нашу копию.

— И не обязан быть оператором, — добавил Лев.

Анна оформила встречу и запретила Марине связываться с Антоном до опроса.

Ответ пришёл сразу: «Вы уступаете шантажисту».

— Она привыкла первой задавать условия, — сказал Лев. — Мы делаем то же самое, только с печатью ОПЧ.

— У нас есть процедура.

— У неё тоже.

Анна уже собиралась возразить, когда Дарья открыла журнал защищённой линии.

— Есть проблема. До нашего звонка с Антоном связались с номера Марины.

На экране стояло время: 17:38. Исходящий вызов длился двадцать одну секунду и произошёл за двенадцать минут до того, как Анна запретила контакт.

— Подмена номера?

— Проверю. Но вызов подтверждён аппаратом Марины.

Анна включила запись журнала. В поле результата значилось: «Соединение установлено». Рядом система уже дописала комментарий: «Клиент предупредил свидетеля о позиции ОПЧ».

Такой позиции ещё не существовало. Марина успела позвонить первой, а отклик приготовился превратить двадцать одну секунду разговора в официальную версию встречи, которая ещё даже не началась.

Глава 6. Фотография меняется дважды

Домофон встретил Марину раньше, чем она успела приложить ключ.

— Добрый вечер, Маруся Кривцова, — произнёс женский голос. — Рада вашему возвращению.

Марина застыла под козырьком. Над дверью горела камера, а на маленьком экране рядом с кнопками отображалась детская фотография с картонной короной.

— Утром он называл меня Мариной Соколовой, — сказала она.

— Значит, за день ваши отношения перешли на детские имена, — ответил Тихон.

Анна сфотографировала панель. Лев стоял чуть в стороне, не приближаясь к динамику. После дневной перегрузки он выглядел лучше, но усердно подтверждал это каждой фразой.

— Открывайте обычным ключом, — сказала Анна. — Имя больше не произносим.

Марина вставила ключ в замок. Домофон сообщил:

— Доступ подтверждён. Законная владелица квартиры Маруся Кривцова.

Дверь открылась.

На первом этаже соседка вынесла мусор и назвала Марину Марусей. Она уверяла, что шесть лет назад видела это имя в списке жильцов.

— Я живу здесь четыре года, — сказала Марина.

Анна попросила назвать фамилии остальных жильцов. Соседка не смогла вспомнить ни одной.

— Тогда не повторяйте имя, которое не можете подтвердить, — сказала Анна.

— Я просто беспокоюсь.

— Начните с чужой фамилии: она тоже требует осторожности, — заметил Тихон.

В лифте панель показала: «Дом Маруси Кривцовой». Тихон зафиксировал надпись и предложил снять питание с голосового блока.

— Оставьте, — решила Анна. — Нам и без того хватает решений, принятых системой за людей.

Квартира оказалась светлой, с широким коридором и дверями без табличек. На стенах не было семейных фотографий. Единственный снимок стоял на консоли у зеркала: Марина на открытии городской библиотеки, в пальто и с микрофоном.

— Домашний уют в официальной редакции, — заметил Тихон.

Марина сняла туфли.

— Я редко бываю дома.

— Это не отменяет дом, — сказал Лев.

Анну интересовали бумажные документы, созданные до эфира. Сначала она попросила школьные грамоты, затем договоры и датированные письма.

Марина закрыла левое отделение шкафа: там хранились письма матери с детским именем, но без фотографий и договоров.

Анна хотела опечатать шкаф, однако Лев предложил составить перечень без чтения.

— Если позже там обнаружится улика, отказ войдёт в протокол, — сказала Анна.

Марина указала количество писем, даты и место хранения. Анна разрешила оставить их закрытыми под личную ответственность Марины.

В правом отделении лежала школьная папка. Марина вынула грамоту за участие в районном конкурсе чтецов. На бумаге значилось: «Марина Кривцова».

— В школе я уже была Соколовой, — сказала она.

Тихон положил грамоту на стол и включил автономную камеру.

— Не утверждайте, какой она должна быть. Сначала фиксируем.

Дата совпадала с пятым классом. Печать выглядела старой, чернила потускнели естественно. Под фамилией не было следов исправления.

— Это доказательство, что я была другой, — сказала Марина.

Буквы поплыли. Фамилия Кривцова исчезла, вместо неё проступило: «Светлова». В строке имени осталось «Мира».

Марина отдернула руку.

— Мира появилась через много лет.

— Грамота не сообщила прошлое, — сказала Анна. — Она подтвердила вашу интерпретацию: вы были другой. Отклик выбрал самый удобный вариант.

— Удобный для кого?

— Для фразы.

Тихон попросил Марину сказать иначе:

— В пятом классе я носила фамилию Соколова.

Грамота не изменилась.

— Факт без вывода держится, — заметил он. — На точную формулировку бумага не реагирует.

Марина накрыла ладонью следующую папку: в ней были фотографии с Антоном.

— Утром вы сказали, что у вас ничего такого не осталось.

— Я ответила неточно. Личные письма останутся закрытыми, но всё, что касается имени и Антона, вы увидите.

Марина впервые сама предложила материал, который утром отрицала. Анна согласилась на контрольный опыт: альбом снимут постранично, а оригинал останется в квартире под пломбой до завтра.

После согласия Анны она ушла в спальню и вернулась с большим альбомом в серой обложке. На первой странице было написано от руки: «Наша общая версия». Ниже стояли подписи Марины и Антона.

Камеру установили на книжной полке. Тихон проверил, чтобы она не была связана с домашней сетью, и положил рядом часы с механическим циферблатом.

Марина перелистывала альбом в перчатках. На фотографиях они с Антоном ремонтировали квартиру, сидели в кафе, спорили возле машины. Ни один кадр не выглядел предназначенным для публики. Антон улыбался редко, Марина — без привычного расчёта на камеру.

— Страница двенадцать, — сказал Тихон. — Фото одно, подпись рукой Антона: «Первый день Миры».

Марина стояла возле студийного входа. Антон держал над её головой бумажный стакан, изображая корону.

— Это день, когда вы впервые вышли в эфир под псевдонимом? — спросила Анна.

— Да.

— Почему выбрали Миру Светлову?

— Имя выбрала я. Оно не досталось мне от семьи, редакции или мужчины.

Лев резко вдохнул. На снимке Антон побледнел, затем исчез. Его рука со стаканом тоже пропала. Марина осталась одна возле двери, а подпись изменилась: «Первый день Миры. Решение принято самостоятельно».

— Не трогайте страницу, — сказала Анна.

Тихон сверил запись. На экране автономной камеры Антон сохранялся. В самом альбоме его уже не было.

— Камера удерживает предыдущий вид, — сказал он. — Альбом принял формулировку. Марина смотрела на пустое место рядом с собой.

— Я действительно выбрала имя.

— Самостоятельный выбор не означает, что рядом никого не было, — сказал Лев.

— Антон считал псевдоним ошибкой.

— Но присутствовал.

— Он был оператором. Это его работа.

На фотографии появился край чужой руки, потом снова исчез.

Анна попросила Марину назвать только наблюдаемый факт.

— В тот день он был рядом, — сказала та.

Антон вернулся в кадр. Сначала плечо, затем лицо и стакан над головой Марины. Подпись восстановилась, но теперь гласила: «Первый день Миры. Антон был рядом».

— Близкая связь весит больше общей версии, — сказал Лев. — Формулировка решает, кого оставить рядом.

Марина спросила, может ли Антон переписывать фотографии из своей квартиры. Лев объяснил: его память даёт материал, но направление задают слова самой Марины.

На следующем кадре появилась светло-зелёная стена из воспоминания Антона. Марина признала, что после старого эфира он три дня не выпускал её из квартиры, отвечал на звонки и отменил встречу от её имени.

— Он запрещал вам выходить?

— Говорил, что журналисты ждут у подъезда. Тогда я называла это защитой.

Лев провёл пальцами по виску. Анна заметила знакомое движение и попросила его отойти от альбома.

— Я сам решу, когда остановиться.

— Когда решишь, может быть поздно.

— Ты защищаешь меня или убираешь неудобный фактор?

— Сейчас это одно и то же.

Лев ответил, что её безопасность слишком часто превращается в решение за другого. Анна понимала, что давит, но промедление казалось ей опаснее.

Они договорились о шести минутах просмотра без второй фразы. Тихон назвал это семейной медиацией с ограниченным сроком действия.

Лев перелистал альбом к году старого эфира. Между двумя страницами оставался узкий бумажный корешок. Один лист был аккуратно вырезан.

— Здесь отсутствует страница, — сказал он. — Номер двадцать три пропущен.

Марина посмотрела на корешок.

— Альбом старый. Возможно, я убрала неудачные фотографии.

— Какие?

— Не помню.

— Дата соответствует неделе после эфира, — сказала Анна.

На следующей странице Марина стояла возле студии уже под именем Мира. На предыдущей была Мариной Соколовой. Вырезанный лист находился между ними.

— Страница могла содержать момент появления псевдонима, — сказал Лев. — Или человека, который участвовал в решении.

Марина закрыла альбом.

— Дальше только документы.

Домашний сейф находился в спальне за раздвижной панелью. Марина ввела код, закрыв клавиатуру ладонью, и вынула папку с договорами. Анна стояла у двери, Лев остался в гостиной. Тихон печатывал альбом.

— Это соглашение с «Репликой», — сказала Марина. — Консультация по репутационным рискам. Никакого заказа на травлю там нет.

Она протянула папку. Документ начинался словами: «Лист 2 из 7».

Анна проверила крепление. Скоба была раскрыта и зажата снова. На втором листе перечислялись права подрядчика на использование медиатеки и аналитических инструментов. Первый должен был содержать предмет договора, дату и стороны.

— Где начало?

— У агентства.

— Почему в вашей папке хранится копия со второго листа?

— Первый забрали на исправление реквизитов.

Ответ последовал без паузы.

— Когда?

— На прошлой неделе.

— Кто забрал?

— Курьер «Реплики».

— Расписка?

— Не оформляли. Это рабочая копия.

— Оригинал где?

— В электронном архиве.

— Проект удалён сегодня в 11:42.

Марина не удивилась.

— Значит, агентство исполнило моё распоряжение.

Анна подняла глаза.

— Вы просили удалить проект после начала расследования?

— Я потребовала остановить кампанию.

— В журнале сказано: удалить.

— Для клиента это одно действие.

— Для доказательств — два разных.

Марина села на край кровати.

— Я звонила Герману, когда ОПЧ уже был в здании. Велела закрыть кабинет и убрать материалы из публикации. Не знала, что он удалит проект целиком.

— Почему не сообщили?

— Потому что вы бы запретили звонок.

— Правильно предположили.

— Скандал распространялся. Я должна была действовать.

— Вы изменили состояние доказательств и связались с подрядчиком, которого скрывали.

— Я пыталась прекратить вред.

— Сначала позвонили агентству, потом Антону. Вы не прекращали вред, а снова задавали первую версию.

Марина сжала пальцы.

— Антону я сказала не публиковать архив.

— Двадцать одна секунда.

— Этого хватило.

— Что он ответил?

— Что я ничего не могу ему запретить.

Анна внесла звонки в протокол. Прямого проявления отклика не было. Бумага не менялась, строки оставались на месте. Это успокаивало меньше, чем предыдущие эффекты: отсутствие первого листа объяснялось человеческими действиями.

Она сфотографировала разрыв скобы и сняла копию каждого листа.

— С завтрашнего утра ОПЧ запрашивает финансовые операции по договору и полный документооборот с агентством.

— Это выходит за рамки мема.

— Рамки расширили вы, когда скрыли договор и распорядились удалить проект.

— Там конфиденциальные платежи.

— Значит, запрос получит отдельное обоснование.

— Я не дам согласия на доступ ко всем счетам.

— Нам не нужны все. Только платежи «Реплике» и связанным подрядчикам. При отказе запрос пойдёт через компетентный орган.

Марина долго смотрела на папку. Затем кивнула.

— Только по этому проекту.

— Объём определяют операции, а не ваше удобство.

— Вы получили право на проверку, но не право считать меня виновной.

— Согласна. Поэтому фиксирую сокрытие как действие, а не приговор.

Анна закончила опись. Она не предложила удалить запись о звонке или смягчить формулировку. Марина сама выбрала вмешаться в доказательства и должна была отвечать именно за это, без добавленной вины за всё дело.

Тихон вошёл с опечатанным альбомом.

— Пломба стоит. Лев ждёт в гостиной и изображает человека, который отдыхает по собственной инициативе.

— У него получается?

— Как у большинства мужей под наблюдением жены.

Анна перевернула последний лист договора. Внизу, рядом с номером приложения, стоял код проекта. Его не было в копии, найденной утром в пресс-службе.

«RPL-MSK-17. Человеческая Мира».

Марина заказала работу с агентством до появления мема. Первый лист скрывал предмет заказа, а сохранившееся приложение уже объясняло, зачем подрядчику понадобились личные фотографии и версия женщины без официального налёта.

Глава 7. Архив Антона

Антон открыл дверь фотомастерской ровно на ширину плеч и сначала посмотрел на Тихона, потом на чемодан ОПЧ. За его спиной горела рабочая лампа, хотя утро уже заполнило окна Сыромятнического переулка серым светом.

— Вас двое, — сказал он.

— Так и договаривались, — ответила Анна.

— Вчера был ещё мужчина.

— Лев не участвует в осмотре. Дарья подключится только к метаданным.

Антон впустил их и закрыл дверь на два замка. В первой комнате стояли принтеры и стол для реставрации. Перед металлической дверью архива он остановился.

— Туда без разрешения не входить. Носители не забирать. Личные фотографии не копировать.

— Тогда зачем мы приехали? — спросила Анна.

— Проверить то, что относится к мему.

— Связь материала с делом определяем мы.

— А границы частной жизни определяю я.

Анна ожидала шантажиста, который сначала назовёт цену, а потом объяснит, что действует из принципа. Антон цены не называл. Он лишь держал ладонь на ключе и не позволял процедуре пройти дальше.

Тихон поставил чемодан на пол.

— Можно оформить выборочный осмотр. Вы показываете папку, мы описываем связанные кадры. Остальное остаётся закрытым.

— А если она решит, что связано всё?

— Тогда начнём спорить официально. Это медленнее, зато без драки за коробку.

Антон посмотрел на Анну.

— Марина сказала, что вы заберёте архив.

— Она вчера успела дать распоряжения агентству и вам. Её прогнозы о нашей работе я не приобщаю.

— Она просила не отдавать фотографии.

— Значит, разговор длился дольше двадцати одной секунды?

— Нет. Она говорит быстро, когда боится потерять управление.

Анна записала ответ.

— Вы хотели ей отомстить?

— Хорошее начало выборочного осмотра.

— Вы получили целевой запрос, храните уникальные снимки и считаете, что Марина переписала прошлое. Мотив проверить нужно сразу.

— Я считал её поступок трусостью. Месть требует свободного времени, а у меня заказы.

— Тяжёлый разрыв был?

— Был тяжёлый человек по обе стороны разрыва.

Тихон достал из пакета копию мема и положил изображением вниз.

— Копия меняется при обсуждении настоящей Марины. Мы не просим подтверждать имя.

— Уже поздно. Реклама просила именно это.

Анна перевернула лист. На снимке девочка сидела с картонной короной. Подпись была нейтральной: «Архивный кадр. Личность требует подтверждения».

Антон взглянул на фотографию. За спиной девочки проступила светло-зелёная стена, затем край старого кресла.

— Это моя квартира, — сказал он.

— Та, где вы жили с Мариной?

— Да.

— Вы видели эту версию раньше?

— Нет.

Он отвёл глаза. Фон остановился, но не исчез.

— Вы изменили снимок? — Анна наклонилась к превью.

— Я фотограф. Если бы изменил, сделал бы лучше. Кресло никогда не сочеталось с обоями.

Эффект подтверждал значимость Антона, но не управление откликом.

— Предлагаю выборочный осмотр, — сказала Анна. — Вы достаёте папки. Мы проверяем детский снимок, период старого эфира и цифровые копии, которые могли уйти подрядчикам. Остальное не открываем без основания.

— И не копируете письма.

— Пока в них нет сведений о передаче фотографий.

Антон помолчал и открыл архив.

— Один раз. Увижу попытку забрать лишнее — осмотр закончен.

— Увижу уничтожение доказательств — начнётся изъятие.

— Теперь похоже на честный разговор.

Он вынул серую папку «М. С. Личное». Детский снимок нашёлся в третьем конверте. Тихон сверил его с копией из медиапроекта: совпали царапина на сцене и складка платья.

— Оригинал один? — Анна указала на конверт.

— Бумажный — один. Негатив потерял.

— Сканировали?

— Месяц назад.

В цифровой описи стояли номера трёх сканов, но файлов не было.

— Где они?

Антон смотрел на пустые строки дольше, чем требовалось для ответа.

— Были здесь.

Тихон проверил корзину и резервную папку. Обе оказались пустыми, хотя журнал восстановления показывал, что месяц назад в корзине лежало три объекта.

— Чистили вручную? — спросил он.

— Я удаляю рабочие копии после сдачи заказа.

— Эти копии не были заказом.

— Поэтому и удалил.

Анна внесла противоречие в опись. Антон раздражался, но осмотр не остановил. Защита частной истории постепенно отделялась от желания управлять их выводами.

Архивная кладовая не позволяла разойтись дальше двух шагов. Антон перенёс системный блок на рабочий стол, а Дарья подключилась по защищённому каналу.

— Вижу создание трёх файлов, — сказала она. — Через одиннадцать минут их удалили.

— Моей учётной записью? — спросил Антон.

— Локальной сессией без пароля.

Антон нахмурился.

— Этот компьютер не выходит в интернет.

— Выходил двадцать второго числа. Семь минут.

— Для обновления программы. Приходил техник.

— Имя?

— Павел Громов. Подрядчик по обслуживанию принтеров.

Дарья открыла сетевой журнал.

— Соединение шло к облаку «Вектор-Фото». Загружен пакет настроек, затем отправлена диагностика.

— Фотографии могли уйти вместе с ней? — спросила Анна.

— Могли, если пакет собрали неправильно или специально.

Антон показал старый счёт за обслуживание.

— Мастерская не получала денег от агентства. Можете проверить. Там сейчас даже для шантажа сумма неубедительная.

Тихон просмотрел договор.

— У подрядчика есть право сохранять тестовые изображения для контроля качества.

— Я дал старый городской пейзаж, не личный архив.

Дарья нашла отметку модуля реставрации.

— Сканы прошли через подрядчика, вернулись сюда и были удалены. Хэши сохранились.

— Сравните с агентским пакетом, — сказала Анна.

Через минуту Дарья ответила:

— Хэш детской фотографии совпадает. Визуальные версии разные, техническая идентичность одна.

Антон повернулся к Анне.

— Значит, фото забрали через обслуживание.

— Это рабочая версия.

— Вы всё ещё считаете, что я передал его сам?

— Вы удалили сканы и не заметили пропажу.

— Я удалил их после реставрации. Марина просила не оцифровывать снимок.

— Почему сканировали?

— Хотел проверить, можно ли восстановить лицо. На бумаге сильная засветка.

— И показать ей?

Антон отвернулся.

— Не решил.

Сокрытие оставалось, хотя деньги и прямой доступ к кампании не подтверждались.

Тихон вывел сохранённое превью. Девочка сидела на сцене.

— Это настоящий кадр, — сказал Антон. — Она тогда проиграла и плакала в туалете.

На превью корона оказалась у девочки на голове, а в руке появился диплом. Хэш не изменился.

— Вы назвали исходник настоящим, а изображение показало победу, — сказала Анна.

— Я этого не помню.

— Ваша оценка задала рамку. Победу уже обсуждали в студии.

Дарья сохранила обе версии.

— Фото могло уйти через старый подрядный архив. «Вектор-Фото» раньше работал с «Репликой» на общей платформе.

Антон достал бумажный журнал посетителей и начал писать имена людей, видевших альбом.

— Список останется у вас?

— В материалах с ограниченным доступом.

— Марина его увидит?

— Только сведения, связанные с делом.

— Она умеет делать связанным всё, что ей мешает.

— Это уже моя ответственность.

Антон передал лист.

— Дарья Садовская была здесь после старой фотосессии. Потом приходил курьер «Реплики» за городскими кадрами.

— Когда?

— Три года назад.

В журнале стояла дата съёмки для первого сезона «Города рядом».

— Почему раньше не сказали?

— Курьер забрал согласованные снимки.

— Проверяли носитель?

— Да. Папка с альбомом была на том же диске, но закрыта паролем.

Дарья попросила назвать программу архива.

— У той версии был сбой. Закрытая папка попадала в индекс предпросмотра. Файлы не открывались, но миниатюры сохранялись в кеше.

Антон сел на край стола.

— Значит, снимок мог уйти три года назад.

— Или месяц назад через реставрацию, — сказала Анна. — Проверим обе линии.

Тихон сфотографировал журнал и вернул его на место.

— Удобная система, — сказал он. — Один подрядчик чинит принтер, другой получает миниатюру, третий делает вид, что ничего не хранит.

— Это не система, а плохое обслуживание, — ответил Антон.

— В Москве плохое обслуживание давно претендует на самостоятельную отрасль.

Анна оставила Антона в матрице версий. Он скрывал удаление и нарушил просьбу Марины, но канал передачи мог работать без его сознательного участия. Версия мести сохранялась, однако теперь у неё появился конкурент — небрежная подрядная цепочка, достаточно старая, чтобы никто не считал её опасной.

В рабочей зоне Тихон положил на стол две копии мема и закрыл их непрозрачными листами. Антон выровнял стопку отпечатков, хотя края уже совпадали.

— После сорванного эфира она окончательно стала Мирой, — сказал он. — До него псевдоним был рабочим. После — способом не отвечать за Марину Соколову.

— Что произошло в эфире? — Анна раскрыла блокнот.

— Вы уже спрашивали.

— Теперь нужна проверяемая профессиональная деталь.

— А мне нужна гарантия, что молчание не запишут как признание.

— Запишут отказ отвечать. Причину можете указать сами.

Антон положил нож на стол.

— Удобный язык. Человек защищает чужую жизнь, а бумага пишет, что он мешает проверке.

— Бумага фиксирует действие. Оценку подтверждают доказательства.

— Марина вчера сказала, что ОПЧ уже решил считать меня источником. Вы делаете то же самое аккуратнее.

Анна сняла первый лист с копии.

— Сколько людей работало на том эфире?

— Семеро.

Изображение осталось прежним.

— Какая запись подтверждает ошибку редакции?

— Резерв эфира и журнал правок суфлёра.

Копия не изменилась.

— Что Марина скрыла после эфира?

Девочка исчезла. На её месте появилась взрослая Марина у служебного выхода, а на пальто висела табличка: «Назначила виновного и ушла под новым именем».

Антон резко отвернулся.

— Я такого не говорил.

— Вопрос задал рамку разоблачения, — сказала Анна. — Отклик выбрал худшую версию.

— А вы хотели проверить именно её.

Анна накрыла лист. Он был прав: вопрос уже предполагал сокрытие и предлагал памяти подобрать унижение.

— Переформулирую. Какое решение приняла редакция после эфира и где оно зафиксировано?

Антон ответил не сразу:

— Выпустить исправление от имени младшего редактора. Решение есть в служебной переписке. Дарья Садовская получила копию, потому что работала у подрядчика по мониторингу.

— Кто потерял работу?

— Павел Ершов.

— Марина участвовала в решении?

— Подписала итоговый текст. Приказ увольнять не давала.

— Почему вы считаете её виновной?

— Она могла отказаться ставить подпись. Вместо этого через месяц стала Мирой и рассказывала, что кризис научил её честной коммуникации.

Появились человек, письмо и подпись, которые можно проверить.

— Дарья хранит переписку?

— Хранила. Использовала её на внутреннем конкурсе, когда претендовала на проект Марины.

— Вы передавали ей фотографии?

— Нет. Только запись эфира.

— Она видела альбом?

— Один раз. Я показывал материалы для документального ролика.

Анна уточнила дату визита и номер проекта. Копия оставалась стабильной.

— Проведём контролируемый тест позже, — сказала она. — Без вопросов о том, что Марина скрывает. Вас попросят смотреть на нейтральный кадр и называть видимые детали.

— А если снова появится квартира?

— Зафиксируем. Память не станет приговором.

Антон кивнул.

— Дарью Садовскую вы вызовете сегодня?

— Сначала проверим документы.

— Она умеет готовиться быстрее, чем люди успевают задать вопрос.

— Тогда пусть готовится. Подготовленная версия тоже оставляет следы.

Антон убрал нож в ящик и впервые не проследил, куда Тихон положил пакет. Доверия было мало, но осмотр перестал казаться ему попыткой забрать всю прошлую жизнь вместе с одной фотографией.

Телефон на столе завибрировал. На экране открылось рекламное сообщение с детской фотографией:

«Антон, подтвердите: это та самая Маруся? Ваш ответ поможет показать правду».

Под вопросом были две кнопки: «Да, настоящая она» и «Нет, она была ещё хуже».

— Утром был только вопрос, — сказал Антон. — Теперь предлагают ответ.

Дарья по громкой связи потребовала ничего не нажимать. Анна закрыла копии и убрала их в пакеты.

В нижнем углу рекламы стояла метка RPL-MSK-17. Та же метка проступила на обороте старого бумажного снимка, лежавшего в архивном конверте без доступа к сети.

Антон не передавал агентству ответ, но система снова обратилась именно к нему. Его память уже стала для системы более ценным источником, чем сам факт просмотра, и теперь её пытались превратить в кнопку рекламной кампании.

Глава 8. Комментарий заранее

К одиннадцати редакция городского медиа уже успела прожить половину рабочего дня и целый скандал. На главном экране висел черновик с заголовком «Две жизни Миры Светловой», а под ним мигал счётчик внутренних просмотров. Каждый новый сотрудник открывал материал, чтобы убедиться, что остальные читают то же самое.

Льва встретил редактор в клетчатой рубашке. Сергей предложил кофе и сразу сообщил, что разговор лучше записать на камеру ради точности.

— Обычно эту фразу произносят перед тем, как точность начинают монтировать, — ответил Лев.

Камеру убрали. Сергей провёл его между столами, где сотрудники говорили тише обычного, зато печатали с видом участников спасательной операции. У окна стояла Дарья Садовская. Она держалась так, словно давно заменила рост скоростью решений.

Дарья заметила, что Анна прислала к ней человека, а сама осталась с документами. Лев признал такое распределение разумным: документы хотя бы не требовали комментариев для публикации.

— Только подтвердите, что изменения материалов признаны аномальными, — сказала Дарья, показав на свободное место.

— Изъятие подтверждает интерес к копиям. Больше я вам ничего не подарю.

На столе лежала распечатка статьи. В подзаголовке говорилось, что Мира Светлова много лет скрывала настоящее имя и обстоятельства карьерного старта. Основа материала существовала до вчерашнего эфира, потому что редакция ожидала кампанию. Источник Дарья соглашалась назвать только в обмен на комментарий ОПЧ.

— Тогда мы оба останемся без завтрака, — сказала она.

— Уже почти обед. Ваш метод переговоров запоздал вместе с кофе.

Сергей открыл черновик на общем экране. Лев успел увидеть вопросительный знак в заголовке: «У Миры Светловой две жизни?» Затем к странице подключились ещё пять сотрудников. Знак исчез, а заголовок стал утвердительным. В справке появилась строка: «Имя Маруся Кривцова подтверждено бывшими коллегами».

Сергей проверил историю правок. Строки там не было. Она подтянулась из карточки персонажа, которую он вёл сам.

Дарья велела закрыть материал, но два сотрудника продолжили читать через наушники. В справке появилась новая дата смены фамилии.

— Всем выйти из черновика и не обсуждать, какая версия настоящая, — сказал Лев.

Сергей спросил, можно ли считать это подтверждением аномалии.

— Считайте подтверждением того, что шесть редакторов опаснее одного.

После закрытия страницы новая дата исчезла, а строка о бывших коллегах осталась. Редакционная уверенность уже успела закрепить удобную биографию.

Лев попросил историю создания материала. Дарья потребовала временную защиту источника, иначе человек лишится работы после первого звонка Марины.

— Мне нужны время сообщения и содержание. Имя пока можно закрыть.

— А когда Марина потребует назвать его?

— Получит отказ.

— Она не любит отказы.

— Это не редкое заболевание. Переживает большинство клиентов.

Лев согласился передать Анне сведения без имени, но поставил встречное условие: спорная статья не выходит до проверки.

— Материал уже собирает просмотры внутри редакции, — сказала Дарья. — Снаружи получит намного больше.

— Именно поэтому и ставите паузу.

— Вы просите медиа не публиковать готовый текст.

— Я прошу вас не улучшать улику до состояния бестселлера.

На общем экране заголовок снова изменился: «Мира Светлова жила под чужим именем».

Дарья открыла календарь на телефоне. Шесть недель назад там стояла встреча с Германом Лисицыным в кафе на Смоленской площади. К записи было прикреплено резюме: «Подготовка реакции на мягкое раскрытие человеческого образа М. С. Возможна встречная публикация».

Герман представлял «Реплику» и не скрывал этого. Он предупредил об осенней кампании, где сначала должна была появиться самоирония, а затем признание старых ошибок. Дарье предложили выступить с критикой, чтобы обсуждение выглядело естественным. Она согласилась наблюдать и сразу начала готовить статью.

— Я не обязана встречать чужую кампанию с пустыми руками, — сказала она.

На экране появился снимок встречи. Дарья и Герман сидели у окна, между ними лежал планшет с заголовком «Человеческая Мира».

Лев отметил, что снимок появился только после того, как Дарья признала подготовку статьи. До этого календарь показывал одну строку без вложений. Редакция не создала встречу заново, но отклик сделал старую договорённость нагляднее и удобнее для обвинения.

Лев попросил переслать Анне время и описание встречи. Имя источника Дарья закрыла, но Герман уже был участником разговора, а не тайным информатором.

В обмен она получила формулировку ОПЧ: публикация неподтверждённых биографических версий могла изменить доказательства. Сергей попросил сказать проще.

— Не публикуйте сплетни, они портят улики.

Редактор записал обе версии. Первая предназначалась для юриста, вторая — для людей, которые всё-таки читали дальше заголовка.

В переговорной стоял круглый стол, который должен был помогать равенству сторон, но Дарья сразу заняла место напротив двери. Лев сел боком к окну, чтобы не смотреть на экран с черновиком.

Дарья без подготовки заявила, что не запускала мем. Лев ответил, что проверяет не только запуск, но и подготовку. Поэтому они пока разговаривали, а редакция продолжала работать.

Перед ним легла банковская выписка. За три дня до эфира медиа купило дополнительный трафик на материал о публичных биографиях. Получателем платежа была площадка, связанная с тем же кабинетом, через который шёл мем.

Герман назвал неделю старта, но не точную дату. Он сообщил тему кампании: обновление образа Марины через старый эфир и конфликт с бывшим партнёром. Детского имени в разговоре не было, фотографию он тоже не показывал.

Дарья отвечала быстро и без желания понравиться. Открытая выгода выглядела некрасиво, но именно поэтому могла показаться честностью. Лев напомнил себе, что одна признанная корысть не исключает другую.

— Я не запускала этот скандал, — повторила она.

Вторая фраза прозвучала сразу:

«Но я заранее приготовилась заработать на нём».

Услышанное не доказывало запуск. Оно показывало условие, которое Дарья считала допустимым.

Редакция купила трафик под событие, которого ещё не было, а после появления мема Дарья не остановила закупку.

- В 08:26 я увеличила лимит, — признала она.
- Через четыре минуты после начала эфира.
- В нашей работе это называется оперативностью.
- В нашей — сохранением последствий.

Первый толчок пришёл не от неё, но готовая площадка уже ждала.

Лев потребовал передать исходные черновики и платежи по продвижению. Публикацию следовало приостановить до проверки спорных деталей.

- Конкуренты выйдут раньше, — сказала Дарья.
- Зато вы не выйдете раньше доказательств.
- Эта фраза хороша только в кабинете.
- В суде она тоже неплохо себя чувствует.

Она усмехнулась и спросила, не Марина ли велела давить на редакцию. Лев не стал защищать клиентку. Он пытался лишь не дать публичному образу съесть человека, которого этот образ должен был обслуживать.

- Значит, вы уже решили, что под образом есть другая Марина.
- Я решил, что человек не обязан совпадать с рекламным кабинетом.

Дарья открыла папку с черновиками. Первый текст был создан шесть недель назад после встречи с Германом. В нём не было имени Маруся. Вторым появился неделю назад и содержал намёк на смену фамилии. Источником правки значилась редакционная заметка без автора.

Дарья утверждала, что говорила только о псевдониме. Вызванный Сергей помнил другую фразу: «У неё было другое настоящее имя». Пока они спорили, на распечатке исчезло слово «псевдоним», а вместо него появилась «скрытая фамилия».

Лев накрыл лист папкой и отправил Сергея в общий зал. Дальше версии предстояло обсуждать раздельно. Дарья передавала историю правок и останавливала продвижение до вечера, а Анна оформляла защиту источника после проверки таймлайна.

Через минуту рекламный кабинет показал статус «приостановлен».

— Следующий вариант будет о сорванном эфире, — сказала Дарья. — Герман предупредил, что прошлое Марины должно объяснить нынешнюю ложь.

Точной детали он не назвал. Сказал лишь, что после того эфира другой человек понёс последствия вместо неё. Имени Дарья не получила и пока не пыталась угадывать публично.

— Если кабинет работает так, как вы говорите, он угадает за всех, — заметила она.

Лев услышал в этой фразе не угрозу, а уверенность редактора, который привык считать внимание аудитории природным явлением. На деле его покупали заранее, направляли заголовком и называли общественным интересом, когда цифры получались удачными.

В коридоре висели плакаты с заголовками лучших расследований. Между ними стоял экран новостей, который Сергей отключил по просьбе Льва. Через несколько минут он включился сам.

На экране появился новый мем. Марина сидела в студии старого образца. Под фотографией было написано: «Мира Светлова родилась в день, когда Павел Ершов потерял работу».

Дарья остановилась рядом. Имени Павла в её черновике не было. Она помнила историю, но сначала уверяла, что редактора звали иначе.

Сотрудники начали выходить из кабинетов. Один мужчина заявил, что видел эфир в прямом показе. Девушка у окна вспомнила, что Павел плакал в аппаратной. Ещё минуту назад оба говорили, что работают здесь всего три года.

— Закройте экран и разойдитесь по кабинетам. Сцену не обсуждать, — сказал Лев.

— Но я точно помню её слова, — возразил мужчина. — Она сказала, что младшие сотрудники должны отвечать за ошибки.

- Где вы это слышали?
- В записи.

— Покажете позже. Сейчас ничего не добавляйте.

Записи у мужчины не было, хотя память уже успела снабдить сцену интонацией и местом у режиссёрского пульта.

Сергей выдернул кабель питания. Мем задержался на чёрном экране ещё несколько секунд, затем исчез.

То же изображение пришло в редакционный чат от сотрудника, находившегося в отпуске. Дарья показала время: мем появился раньше их публикации.

— Мы ничего не выпускали. Откуда точное имя?

Вторая фраза не могла установить источник памяти. Нужен был человек, который знал Павла Ершова и считал увольнение частью настоящей Марины.

Дарья призналась, что встречалась с ним после эфира. Тогда она работала у подрядчика по мониторингу и сама привела Павла в редакцию. Он принёс служебную переписку и просил опубликовать её. Часть материалов сохранилась, но от статьи отказались после того, как Марина согласилась дать медиа эксклюзивное интервью по другому проекту.

В коридоре уже шептались о купленном молчании. На телефоне Дарьи подпись расширилась: «Павел Ершов потерял работу, а Дарья Садовская получила эксклюзив».

Лев потребовал убрать телефоны и прекратить общие обсуждения. Дарье запрещалось говорить о старом эфире до изоляции материалов. Она впервые не стала спорить и села на подоконник.

— Сейчас моя память тоже стала частью кампании, — сказала она.

— Поэтому молчите о деталях, пока Анна не подготовит тест.

Дарья провела ладонью по лицу.

— Поздно. Я вспомнила, кто потерял работу.

Имя Павла Ершова она произнесла раньше, чем прочитала мем, хотя сама этого не заметила. Лев зафиксировал время и попросил Сергея сохранить запись коридорной камеры. Дарья получила выгоду от скандала. Но именно её память дала отклику имя Павла Ершова, и аудитория начала вспоминать чужой эфир как часть биографии Дарьи.

Глава 9. След сотрудницы

К двум часам рабочее место Ольги выглядело так, будто её уволили вчера и старались оформить это сегодняшним числом. На столе не осталось личных вещей, доступ к почте ожидал закрытия, а в служебном каталоге появилась папка «утечка_О.Н.». Рядом кадровик объяснял, что действует в интересах учреждения.

Анна попросила его отойти от компьютера. Ольга уверяла, что видит папку впервые. Кадровик сослался на автоматическое создание после внутренней проверки, но Дарья сразу открыла свойства файла.

— Проверки ещё не было, — сказала Анна.

— Тогда система отреагировала на инцидент, — поправился кадровик.

— Инцидент произошёл вчера утром. Папку создали в пятницу вечером.

Тихон подключил устройство для снятия образа диска. Кадровик потребовал немедленно отключить учётную запись Ольги: сотрудник с таким уровнем доступа представлял риск. Анна отказала. Руководство уже подготовило для неё папку с именем виновной за три дня до мема и могло подождать ещё сорок минут.

Ольга стояла у окна и следила за экраном. Она скрыла ночной экспорт и доступ агентства. Анна понимала её страх, но плохое процессуальное поведение легко становилось заменой доказательствам.

Рядом с монитором лежала временная карточка: «доступ ограничен на период проверки». Кадровик уверял, что её подготовили утром, однако номер задания начинался с пятничной даты.

— Вы заранее знали об утечке?

— Мы знали о риске.

— Риск почему-то сразу получил фамилию.

Анна приложила карточку к материалам: мера против сотрудницы появилась раньше события, которое должно было её обосновать.

Дарья открыла содержимое папки. Там лежал шаблон служебной записки и проект приказа об ограничении доступа. Документы были созданы до исходного мема, хотя в тексте уже стояла дата понедельника. Контрольные суммы не менялись, название папки тоже оставалось прежним при любых разговорах о Марине.

— Это подготовлено человеком, — сказала Дарья. — Автор — служебная учётная запись отдела кадров. Вход выполнен с компьютера руководителя пресс-службы.

Кадровик перестал поправлять очки.

— Мы готовили общий сценарий реагирования на возможную утечку.

— Почему тогда в названии инициалы Ольги? — спросила Анна.

Ответа он не нашёл. Ольга усмехнулась без радости: её назначили заранее, и теперь это подтверждал не отклик, а обычная папка.

Анна не позволила ей использовать находку как доказательство полной невиновности. Она отдельно зафиксировала два обстоятельства: сценарий обвинения существовал заранее, а действия Ольги по-прежнему требовали проверки.

Кадровик попытался закрыть экран из-за персональных данных. Тихон положил ладонь рядом с клавиатурой.

— Нажмёте кнопку — придётся писать объяснение. У меня почерк хуже вашего, поэтому документ получится особенно убедительным.

Анна остановила кадровое решение и взяла сохранение доступа на себя. Все действия записывались независимым регистратором, Ольга к компьютеру не подходила.

История открытия папки показала ещё одно совпадение. В понедельник в 08:13 её просмотрели из кабинета руководителя пресс-службы, а через минуту на экранах студии появилась детская фотография. Совпадение не доказывало связь, но хорошо объясняло, почему коллектив так быстро принял готовую версию.

Дарья нашла черновик письма об отстранении Ольги. Поле с описанием утечки оставалось пустым, зато решение уже было сформулировано. Тихон распечатал письмо. Текст не изменился, и Анна пометила его как человеческий документ.

Ольга потребовала отдельный протокол без представителей работодателя. Раньше Анна сочла бы это попыткой управлять материалами. Теперь увидела границу, без которой свидетель превращался в приложение к чужому приказу.

— Всё, что касается моих действий, оформляется отдельно, — сказала Ольга. — Иначе они снова получают готовый текст раньше меня.

— Согласна. Но отдельный протокол не отменит ваших нарушений.

— Я и не прошу отменять. Прошу не дописывать чужие.

Тихон закончил первичную копию. Дарья открыла журнал скрытого проекта: его создали в пятницу в 23:17 учётной записью Ольги, однако соединение пришло через шлюз «Реплики».

Резервная монтажная редко использовалась. Здесь сохранился терминал, на котором Ольга работала в ночь перед эфиром. На краю стола стояла кружка с надписью «Всё согласовано». Тихон развернул её к стене, чтобы надпись не попала в кадр фиксации.

Дарья вывела журнал подтверждений. В 23:22 на телефон Ольги пришёл одноразовый код. Через двадцать секунд токен открыл агентскому шлюзу доступ к медиатеке.

Ольга признала, что ввела код сама. Герман попросил подтвердить ночной экспорт и уверил, что утром не будет времени прогонять тест. Содержимое пакета она не проверила, потому что считала операцию обычной.

Дарья вывела контрольную копию городского архива и подписала: «Обычный экспорт согласованных кадров». Превью не изменилось. Анна заменила подпись на «Утечка личных фотографий через аккаунт Ольги Нестеровой».

На экране Марина оказалась возле открытого шкафа. Подпись сообщила, что Ольга передала архив конкурентам.

Ольга отступила.

— Этого кадра в пакете не было.

— Слово «утечка» уже назначило вину, — сказала Анна. — Изображение лишь подобрало унижительную версию.

После возврата нейтральной подписи снова появились городские кадры. Нарушение регламента никуда не исчезло: Ольга дала внешнему шлюзу доступ без проверки. Но магическая версия не подтверждала умысел.

Герман просил код лично. В чате он написал, что прогноз сам выберет материалы с лучшей реакцией. Ольга решила, что речь идёт об обычном алгоритме, а переписка исчезла через сутки.

— Раньше он просил подтверждения ночью? — спросила Анна.

— Дважды. Для тестов заголовков. Всё проходило без личных кадров.

— Поэтому вы поверили в третий раз.

— Поэтому не стала будить Марину. С ней любой ночной вопрос к утру превращается в оценку профессиональной пригодности.

Прежние случаи объясняли доверие к просьбе Германа, но показывали, что обход согласования стал рабочей привычкой.

Дарья нашла резерв уведомлений. На телефоне сохранился фрагмент: «Не трать время на ручной отбор. Фото выберет прогноз». Следующая строка была удалена.

Анна предложила передать телефон на экспертизу. Ольга согласилась только после ограничения доступа недель и контактами проекта.

— Вы впервые не просите весь телефон, — заметила она.

— Вчера я слишком часто принимала закрытость за вину.

— А сегодня?

— Сегодня отделяю плохое решение от авторства.

Ольга сняла блокировку. Телефон запечатали по акту. Дарья восстановила удалённое подтверждение: шлюз «Реплики» использовал токен Ольги для создания скрытого проекта. Название пришло из параметров подрядчика, а не с её компьютера.

Ольга признала доступ и отказалась от общей формулы невиновности.

— Код дала я. Фотографию не выбирала.

— Это проверяемый ответ, — сказала Анна.

Тихон одобрительно кивнул.

— Редкий случай, когда человек признаёт одну ошибку и не прикладывает справку о безупречной биографии.

В протокол вошло: нарушение режима доступа подтверждено, умысел на распространение личного материала не установлен. Ольга оставалась подозреваемой по технической линии.

Дарья открыла скрытый проект. Исходного файла не было, зато сохранился кеш предпросмотра. На экране появилась девочка с картонной короной, а внизу стояла рукописная подпись Антона: «Марусе, которая всё равно считает, что победила».

— Я не выбирала эту фотографию, — сказала Ольга.

Снимок не изменился.

Она повторила точнее: кадр пришёл после синхронизации, она увидела его и удалила до утверждения. Превью осталось прежним.

Для контроля Дарья попросила сказать общую фразу. Ольга сжала губы, но согласилась.

— Я ни при чём.

Девочка поднялась со сцены. Рядом появилась взрослая Ольга с папкой, а подпись сменилась: «Сотрудница вынесла настоящее имя в эфир».

Тихон сохранил запись и закрыл монитор непрозрачным экраном. Узкое отрицание удержало факт, общее заявление усилило обвинительную рамку.

— Абсолютная невиновность неправдоподобна, — сказала Ольга. — Я дала доступ, не доложила об ошибке и удалила кадр. Но не выбирала его.

Анна впервые услышала от неё не защиту образа, а описание собственного действия.

К трём часам в монтажной остались Анна, Ольга и Тихон. Дарья подключила автономный просмотрщик. Детская фотография держалась без подписи, а её контрольная сумма совпадала с хэшем из мастерской Антона.

Время синхронизации — пятница, 23:28. Источник значился внешней библиотекой подрядчика. Проект искал личный кадр с высокой вероятностью реакции и индексировал кеш даже в закрытой папке.

Ольга показала последовательность действий на копии системы. Сначала пришёл пакет, в котором она увидела домашнюю фотографию Марины и удалила её. Следующая синхронизация подтянула детский снимок. Ольга отправила Герману отказ и сняла файл с публикации, но утром кадр вернулся через тот же проект.

Тихон попросил повторить удаление на пустой тестовой папке. Ольга выполнила те же команды. Система создала запись о снятии с публикации, но токен подрядчика остался активным. Закрыть его можно было только в отдельном меню, о котором стандартная инструкция не упоминала.

— Удобно устроено, — сказал Тихон. — Удалить файл легко, удалить право подрядчика — уже для людей с высшим образованием.

— У меня два, — ответила Ольга.

— Значит, интерфейс рассчитывал на третье.

— Где сообщение об отказе? — спросила Анна.

— На телефоне должна остаться строка уведомления.

Тихон вывел резервную запись с запечатанного аппарата: «Личный кадр не согласован. Не использовать». Ответ Германа начинался словами: «Не вмешивайтесь в прогноз...»

Это опровергало добровольный выбор фотографии, но оставляло другой вопрос.

— Почему вы не закрыли токен? — спросила Анна.

— Я думала, удаления достаточно.

— Вы знали, что агентство продолжает тест.

— Знала.

Ольга не спорила. Она боялась сообщить Марине, что пропустила личный файл. После такой ошибки её убрали бы до эфира, и она решила исправить всё сама. В результате подрядчик сохранил доступ.

Признание усиливало техническую версию. Ольга скрыла ошибку и нарушила регламент, но пыталась убрать кадр, а не вывести его на экран.

Дарья увеличила нижнюю часть метаданных. В поле правообладателя значился не Антон и не мастерская. Право на использование миниатюры записали на RPL-MSK-17.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.